

Игорь Колосов ИДУЩИЙ

*Я вечный странник в
этом мире
Всюду лишь гость
Чаще всего
нежеланный.*

*Сегодня мы
отправляемся
В Путь, и да
поможет
Нам Небо.*

ПРОЛОГ (ПОСЛЕДСТВИЯ)

Парящий под облаками орел не смог бы заметить, что они двигались друг за другом.

Этих людей связывала незримая нить. Каждого из них вынудили отправиться в путь свои причины: кого-то горе, кого-то отсутствие выбора.

Величественная птица, пережившая все передраги этого Мира, отдавшись на волю воздушных потоков, видела тысячи других людей. Видела города и деревеньки, пятнами усыпавшие

землю. Но для черной птицы никто из людей не выделялся из общей картины безликого человеческого муравейника.

Она видела мальчика, похожего на листок, сорванный ветром и все дальше гонимый его порывами. Мальчика сопровождала летучая мышь, существо из подвида вампиров. Летучая мышь спала большую часть дня и лишь с наступлением сумерек опять находила человека с помощью дара, присущего только ее сородичам — эхолокации.

Черная птица видела мужчину в дорожном плаще, под которым скрывалась иная одежда, незаметная даже ее всепроникающему взору — темно-серая ряса монашеского Ордена Талхов. Ордена, рожденного Великой Катастрофой, Преобразовавшей Мир. Ордена, набравшего за последние столетия такую силу, что даже официальной власти приходилось считаться с талхами.

И еще птица видела четырех человек в бордовых плащах, следующих за мальчиком и монахом и неумолимо сокращающих расстояние. В отличие от монаха они не скрывались. И они перемещались верхом на лошадях — роскошь, которую могли позволить себе считанные люди.

Это и давало им преимущества.

ПРОЛОГ (ПЕРВОПРИЧИНА)

Когда мальчик выбежал из роши и увидел черный дым, клубившийся над домом тяжелой тучей, он уже знал, что случилась беда. Он почувствовал это, как иногда чувствуешь на себе чей-то взгляд, но осознаешь это, лишь повернув голову и заметив чужие глаза.

Десятилетний мальчик замер, опустился на колени. Завалился на бок. Дыхание сперло, он даже не смог заплакать. Лишь сипел, глухо и жутко, но его никто не слышал. Затем он встал и неуклюже, как младенец, пошел к дому. Из-за выступивших слез он не различал дороги. Гарь остановила его. Мальчик закашлялся. Дом, пожираемый огнем, скрипел. Ребенок почувствовал жар. Он позвал отца и мать. Кожа на лице и руках болезненно нагрелась, но мальчик сделал еще пару шагов вперед. И увидел родителей.

Мать лежала у крыльца, ее одежда была пропитана кровью. Отец лежал на углу дома, и мальчик заметил только его ноги. И еще меч, который незаконно хранили его родители.

Они были мертвы.

Мальчик уловил запах крови, попятился, зацепился и упал на спину. Он перевернулся на живот, прополз несколько шагов, зарыдал. В легкие проникало все больше дыма, но мальчик не осознавал этого. Он лежал, свернувшись

калачиком, и плакал.

Дом, умирая, посылал в небо поток искр. Одна из них, спикировав миниатюрной падающей звездочкой, ужалила мальчика в затылок. Отметина от ожога останется на всю жизнь. Мальчик вскрикнул, пополз прочь. Казалось, дом пытался спасти ребенка.

Ближе к лесу мальчик потерял сознание.

ЧАСТЬ 1

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

1. ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ ИЛИ ПОПУТЧИК?

1

Дини очнулся на закате.

Легкие наполнились гарью, и мальчик долго кашлял. А потом какое-то время сидел и беззвучно плакал. Ему мерещились голоса отца и матери. Мать успокаивала его, говоря, что смерть ничего не значит. Отец требовал от него мужества.

Эти призрачные голоса помогли. Мальчик перестал плакать и представил, как бы поступил на его месте отец. И понял, что ему нужно уходить.

К дому никто не пришел, хотя за поворотом

дороги была деревенька. Скоро сюда придут вооруженные люди барона Магбура, в чью вотчину входила деревенька. Больше никто не придет. Жители деревни боялись. Убить семью и поджечь дом могла какая-нибудь банда, в последние годы их развелось немало.

Было и другое объяснение.

Отец Дини попал в когорту неугодных. Он не проповедовал своего образа жизни и мыслей открыто, но это ничего не значило. Как солнце не остановит собственное сияние, так и отец не мог таить в себе то, что было сутью его души. Скорее всего, он навлек на себя гнев властей.

Дини не мог пойти к кому-нибудь из жителей деревни. Ни в одном доме его не примут из-за страха за собственных детей. Он остался жив, но для здешних мест это было равносильно смерти. Он должен уйти, чтобы не заразить других собственной судьбой, как должен уйти прокаженный.

Дини поднялся, повернувшись спиной к останкам родного дома.

Уйти.

Куда? И как он будет жить дальше?

Его спины как будто что-то коснулось, и мальчик обернулся. Сзади никого не было. Снова зазвучал голос отца.

Мужество, говорил отец, великая вещь. Будь

мужественным, гони отчаяние прочь. Ты не должен бояться, ничего не надо бояться, даже смерти, и собственной, и тех, кто тебе дорог. Смерть — это не то, что думают большинство людей. Совсем не то.

Отец говорил разное. Дини понимал не многое из того, что слышал. Один разговор мальчик запомнил надолго и сейчас уцепился за него, как за спасительный канат.

Это было три года назад. Отец разговаривал со своим братом, жившим в соседней деревушке. Время, говорил отец, вещь, которую выдумали люди, его просто нет. *Время — одно из приспособлений, которым они пользуются для удобства.* И, как часто бывает, необходимые вещи поработают сознание. Отец сказал, что все существует в настоящем, все сразу. Но время, придуманное нами же, держит наши глаза закрытыми. *Оно — туман, мешающий видеть.* Чтобы понять это, надо подняться над этим туманом. И тогда человек увидит мир по-другому, поймёт, что никто никуда не уходит, что умершие не исчезают в небытии, что все по-прежнему живы. Живы в настоящий момент.

Дини находился рядом и, конечно, ничего из сказанного не понял.

— Папа, значит, вы с мамой никогда не умрете?

Отец улыбнулся, покачал головой.

— Наверное, другие люди подумают, что мы умерли, но ты, если очень сильно захочешь, сможешь увидеть нас и поймешь, что мы всё-таки живы. Ведь на самом деле никто никогда не умирает.

Если очень сильно захочешь.

Дини стоял, глядя перед собой, и вспоминал эти слова снова и снова. Он знал, что отец никогда не лгал. Отец всегда говорил правду. Получалось, родители живы? И Дини мог их увидеть?

Но как?

Мальчик всхлипнул. Волна горячего желания разбилась о непрístupную стену.

Надо жить и идти, снова слышался голос отца. Идти предназначенной дорогой. Идти до конца. Потому, что дорогу осилит только идущий.

Дорогу осилит идущий.

Отец часто повторял эти слова. Мать как-то сказала, что лишь одно это выражение может навлечь на них беду. Это была фраза из какой-то древней книги, якобы повествовавшей о Мире до Великой Катастрофы. Из запрещенной и давно забытой книги.

В этот момент, в который решалась его судьба, мальчик отдался на волю собственной интуиции. Отец не мог его обманывать, и Дини верил, что увидит своих родителей. В последний раз он оглянулся на место, где жил с рождения, и

сделал первый шаг. Слезы вновь подступили, но теперь в них не было столько горечи. Главное — он вышел на свою дорогу.

2

Мужчина и женщина смотрели на мальчика на крыльце своего дома.

Мальчик приходился им племянником — сын родственника из соседней деревни. Уже то, что он оказался здесь один, означало: пришла беда. Лицо у ребенка было вымазано, волосы всклокочены. Рубаха, испачканная сажей, в дырах. От мальчика исходил запах гари.

Мужчина, растерянный, отступил в сторону.

— Заходи, Дини.

Мальчик вошел в дом своего дяди.

Дини заблудился в ночном лесу и плутал до рассвета. Под утро он вышел к деревне, где жили его родственники. Он не думал про них, просто шел вперед и оказался в соседнем селении. Тетя запричитала. Дядя велел ей молчать. Он догадался, что его брат с женой погибли. Позже они узнают от Дини подробности, но не сейчас.

Они отмыли племянника, накормили. Дини провалился в сон, долгий и на удивление ровный, без кошмаров. Он проспал почти весь день, проснулся под вечер, поел и снова улегся в кровать.

У дяди и тети было четверо детей. Двое давно ушли из деревни в поисках лучшей жизни. Двое других детей были почти того же возраста, что Дини. Он встал, когда стемнело. Прошел к комнате дяди и тети, замер, услышав их приглушенные голоса.

— Куда он пойдет? — говорил дядя. — Кому он нужен? Сейчас на дорогах полным-полно сирот.

Голос тети:

— Я знаю, знаю. Бедный наш Дини. Мы бы его как-нибудь прокормили. Но не случилось бы чего. А если убийц подослал барон? Они ведь прознают, что он живет у нас. У нас двое собственных, а Дини мы все равно ничем не поможем.

Дядя медлил с ответом, и тетя, будто оправдываясь, сказала:

— Я за него боюсь. Как бы не получилось, что мы его оставим на верную погибель.

Послышался глухой звук. Дини не сразу понял, что дядя хлопнул ладонью по столу.

— Вот что, милая, — в голосе дяди слышалась недовольство. — Прекрати причитать раньше времени. Накличешь беду. Им нужен был мой брат, и они его получили. Чем мешает им ребенок? Что с того, что он остался жив? Он поживет у нас, пока не узнаем точно, что произошло, а там видно будет. И не спорь.

Дини вернулся в свою комнату, забрался под одеяло. И лежал, глядя в потолок. Вскоре в комнату заглянул дядя, решил, что племянник по-прежнему спит, вернулся к жене.

Дом затих, все легли спать.

Не спал только Дини. Не потому, что уже выспался, мальчик ждал. Он решил уйти ночью. Он должен уйти. Его ждет дорога, осилив которую он сможет увидеть своих родителей. Уйти днем сложно. Дядя не отпустит его. Дини не хотелось его огорчать. Мальчик не обижался на тетю, он ее понимал. Он уйдет, но дядя и тетя этого не увидят.

Мальчик выждал до полуночи, встал, прошел в спальню взрослых. Минуту он постоял на пороге. Дини беззвучно поблагодарил их и вышел. Подумал, не взять ли какой-нибудь еды, поколебался, понимая, что дяде и тете тяжело кормить двоих детей, и все-таки забрал то, что не доел во время ужина: половину овсяной лепешки и пару картошин. С одеждой проблем не было. Родственники переодели его, дали не только новую рубашку, но и плащ, который пригодится в холодные ночи.

Дини выскользнул на улицу, осторожно прикрыл за собой дверь, поклонился дому и вскоре покинул деревеньку, растворившись в ночи. На исходе этой ночи он впервые увидел жуткое существо, которое, казалось, преследовало его.

Дини шел всю ночь, стараясь уйти как можно дальше. Он опасался, что дядя попытается догнать его.

Мальчик обогнул соседнюю деревеньку, не желая оставлять следов. Он пробирался лесом, вздрагивая, когда дерево или пень превращались в воображении во что-то опасное. Когда небо, прежде черное, как сама земля, посерело, Дини стал поглядывать вверх. В один из таких моментов он споткнулся о корень дерева и упал. Послышался звук, похожий на шелест листьев, потревоженных внезапным порывом ветра. Мальчик перевернулся на спину, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь. Что-то пронеслось над головой, и мальчику померещилась какая-то тень.

Спина у Дини покрылась пупырышками. Возможно, всему виной темнота, и при свете дня страха бы не было. Дини встал, желая одного — уйти подальше. Через несколько шагов мальчик снова споткнулся. Падая, опять услышал глухой шелест.

Дини замер. Может, если не двигаться, его оставят в покое? Мальчик ждал. Когда он уже почти убедил себя, что вокруг никого нет, рядом

закачалась ветка. Под чьей-то тяжестью. Дини заметил расплывчатое пятно, задержал дыхание. Пятно зашевелилось, приобретая очертания, и Дини узнал летучую мышь. Мальчик вскочил и побежал. Он несколько раз падал, но тут же поднимался. Впереди ослабла чернота — лес переходил в поле. На опушке Дини остановился. Он уже не мог бежать, не хватало дыхания. Уверенный, что оторвался от мерзкого существа, он вглядывался в расплывчатую массу деревьев. Дыхание восстанавливалось. Дини вымучено улыбнулся, готовый продолжить путь.

В пяти шагах на одной из нижних ветвей дерева свисала злополучная тварь.

Мальчик попятился, осел на землю. Тварь вовсе не упустила его. К счастью, она не нападала. Казалось, летучая мышь лишь держала его в поле зрения. Дини следил за мышью и вспоминал, что слышал от взрослых про этих существ. В голову ничего не приходило. Рассвет набирал силу, и теперь он мог разглядеть тварь подробнее. Тупая бульдожья мордочка. Ее покрывают кожные наросты. Короткая рыжеватая шерсть упругого тельца. Его облегают крылья, свисающие миниатюрными темными плащиками. Уши почти как у обычной полевой мыши. Не видно только глаз. Кажется, они закрыты.

Успокоенный неподвижностью летучей

мышь, Дини приподнялся, выждал, шагнул в сторону. Тварь не пошевелилась. Дини сделал еще пару шагов. Летучая мышь никак не отреагировала. Окрыленный маленьким успехом, Дини вспомнил, что летучие мыши охотятся по ночам, днем же они спят.

Ночь отступила. Мальчик, глядя на существо, попятился. Когда летучую мышь скрыли деревья, Дини перестал таиться и побежал. Не рискуя выходить на открытое место, мальчик устроился на опушке леса под первым приглянувшимся кустом. Он убедился, что один, и сразу уснул.

Прежде чем встало солнце, на одну из ветвей кустарника, под которым устроился мальчик, опустилось существо с мышьиной головой и крыльями, натянутыми на лапы крохотными черными парусами.

Оно свесилось вниз и замерло безжизненной тушкой, но мальчик этого не видел.

4

В этот день Дини обогнул три деревеньки. Он все еще находился во владениях барона Магбура. Пока у него остается еда, он не покажется людям.

Мальчик проснулся в полдень и первое, что увидел, была летучая мышь. Дини не сомневался, что перед ним та самая тварь, от которой он

скрылся на рассвете. Мальчик смотрел на существо, понимая, что летучие мыши не преследуют людей. Летучая мышь не шевелилась и выглядела спящей. Дини поднялся и медленно ушел.

Он не выходил к дорогам, полагаясь на интуицию. Как он ни экономил остатки еды, к вечеру в карманах ничего не осталось. В сумерках он услышал знакомый шелест — его нашла летучая мышь.

Дини вздрогнул, но ничего страшного не происходило, и он пошел дальше. Летучая мышь то исчезала на некоторое время, то опять глухо вспарывала воздух над самой головой. Иногда садилась на ветку, повиснув в своей излюбленной позе, и провожала ребенка взглядом. Затем, после очередной непродолжительной паузы, появлялась в поле зрения.

Как же ему спать, зная, что рядом находится летучая мышь? Он уже не сомневался, что летучая мышь, преследующая его с такой настырностью, относится к существам-вампирам. Существам, питающимся и кровью людей.

Летучая мышь выжидает, когда Дини заснет?

От усталости мальчик спотыкался и вскоре присел под деревом. Глаза он не закрывал. Если не спать, летучая мышь-вампир не тронет его. Дини сказал себе, что отдохнет лишь чуть-чуть. Отдохнет и пойдет дальше. Летучая мышь опустилась на

ветку ближайшего дерева, свесилась, завернувшись в смятые скатерки крыльев. Мальчик захныкал.

— Что тебе надо? Я хочу спать, не трогай меня.

Летучая мышь не шевелилась, и Дини заплакал. Существо, встряхнувшись, расправилось и упорхнуло в чернильную вязь леса. Некоторое время Дини оглядывался и даже не заметил, как его подхватил сон.

Вскоре к нему присоединилась летучая мышь, потяжелевшая после того, как насытилась благодаря косуле, дремавшей в пяти минутах полета отсюда.

5

Утро началось с суетливых поисков отметин, что могли оставить зубы летучей мыши на его теле.

Тварь свисала с ветки в нескольких шагах, и мальчик не сомневался, что она провела ночь рядом с ним. Он со страхом рассматривал себя и все-таки признал, что летучая мышь его не тронула. Страх покинул его, уступив место голоду. Дини пойдет в первое селение.

Деревенька встретила его на пути, когда приближался вечер. Ему придется просить еду. От этой мысли стало неуютно. Мальчик вспомнил о родителях. Если не попросить еды, он ослабнет и не

сможет осилить дорогу. Он представил лицо матери, ожидающей его где-то в конце этого пути, вспомнил ее слова.

Если ты хочешь что-то и не можешь найти, не стесняйся: попроси у кого-нибудь.

Стучите, и вам откроют. Это тоже были слова из древней книги.

Он вошел в деревню, надеясь, что летучая мышь отстанет от него. Людское поселение — не лес.

В этой деревне мальчик открыл в себе то, что стало причиной всех последующих событий.

2. ДАР

1

Женщина вышла из дома с кастрюлькой в руках выплеснуть воду. Увидев мальчика, она замерла.

Дини не стучал в дверь, не приближался к дому, он проходил мимо, но за минуту до того, как появилась женщина, что-то задержало его. Мальчик остановился, непонимающе разглядывая дом, самый обычный дом для такой деревеньки, остановился, хотя паутина сумерек оплетала улочки, а он рассчитывал покинуть селение,

провести ночь вне его пределов.

Он уже не был голоден, его ничто тут не удерживало. Дини получил еду в первом же доме, куда постучал. Ему открыла пожилая пара, мальчику понадобилось несколько слов, чтобы старики вынесли ему лепешек, молока и даже кусочек ветчины. Глядя, как ребенок ест, они предложили ему зайти в дом, провести у них ночь, но Дини робко отказался. Старики не настаивали, пожелали счастливого пути, на прощание дали ему несколько лепешек, и мальчик ушел. Он двинулся на другой конец деревни, чтобы там свернуть с дороги к лесу. Кругом было пусто, но вместе с долгожданной приятной тяжестью в желудке он испытывал необъяснимую тревогу.

Он не прошел и половины деревеньки, когда рядом пронеслась уродливая тень, встряхнувшая неподвижный сиреневый воздух. Летучая мышь нашла его в который раз. Дини пожалел, что не принял предложения стариков. Проведи он у них ночь, глядишь, за следующий день получилось бы оторваться от назойливого существа. Летучая мышь, напугав его, снова исчезла, но мальчик не испытывал по этому поводу иллюзий. Он ведь собирался ночевать в лесу.

Он остановился у этого дома на окраине селения, забыв про летучую мышь, забыв о стремлении поскорее покинуть деревеньку.

— Ты не здешний? — спросила женщина.

Дини показалось, что она только что плакала. Он покачал головой, отступив на один шаг, хотя в хозяйке, как и в самом доме, не было ничего настораживающего.

— Голодный?

Мальчик кивнул, спохватившись, испытал мгновенный стыд и замотал головой. Женщина восприняла это по-своему.

— Зайди, я накормлю тебя. Еды немного, но кое-что есть.

Дини сделал шаг к крыльцу, отступил назад.

— Спасибо, тетя. Меня уже покормили.

Она улыбнулась.

— Зайди, не бойся. Даже если ты не голоден, никогда не помешает покушать плотно. Особенно одинокому мальчику. И негоже идти ночью по лесу.

В ее голосе слышалось усилие, которое она прилагала, чтобы не разрыдаться. У нее что-то случилось. Горе с кем-то из близких. Дини не мог ей отказать. И еще он вспомнил о летучей мыши. Вряд ли тварь потеряет его окончательно, раз уж прилетела за ним в деревню, но это был хоть какой-то шанс.

Вслед за женщиной Дини вошел в дом.

Когда хозяйка усаживала его за стол, она тихо сказала:

— Не смотри туда.

Это относилось к чему-то, что находилось в дальнем, самом темном углу большой комнаты, из которой и состоял этот дом.

Женщина поставила перед ребенком миску, наполнила ее жиденькой, но вкусно пахнущей кашницей, положила рядом кусочек пшеничной лепешки. Самый дорогой сорт хлеба в этих местах. Дини заставил себя смотреть перед собой. Родители учили его правильно вести себя в гостях. Если хозяева что-то просят, это надо выполнить в первую очередь.

Поначалу это оказалось несложно.

От каши, на вид не очень аппетитной, пахло сказочно, и этот аромат с легкостью отогнал любопытство, замешанное на едва уловимой тревоге. Дини понял, что его нельзя назвать сытым. Он лишь приглушил голод благодаря старикам, живущим на другом конце деревушки. Пока он ел, женщина дважды отходила к темному углу, и Дини догадался, что там стоит топчан, на котором... кто-то лежит.

Когда мальчик вычистил миску остатком лепешки, женщина что-то сказала лежащему, и ее голос переполнила скорбь. Дини не смог отводить глаза и посмотрел на женщину. Она стояла подле

ребенка, мальчика чуть младше самого Дини. Он почувствовал, что мальчик тяжело болен.

Ему стало не по себе. Примешивался стыд. У этой милой женщины ребенок, наверное, при смерти, но она пригласила в дом чужого. Не просто пригласила. Накормила, предложила ночлег. Дини почувствовал сильное желание что-нибудь для нее сделать.

Женщина подошла к нему.

— Покушал?

Дини кивнул.

— Спасибо вам большое. Очень вкусно.

— Ты можешь спать здесь, — она указала на кровать, стоявшую в противоположном от топчана углу.

Дини встал из-за стола, не выдержал и спросил о том, что его терзало. Мать говорила ему: не бойся задавать вопросы, не бойся показаться смешным, особенно, если это продиктовано не праздным любопытством.

— Скажите, там... ваш сын?

Она опустила глаза, кивнула.

— Он заболел?

На щеке у женщины блеснула слеза. К ней присоединилась вторая.

— Заболел. Ложись, поздно.

Дини не колебался. Он не заметил, как сами собой вырвались слова:

— Можно я подойду к нему?

Женщина вскинула голову, промолчала. Возразить ей помешали неожиданность и удивление. Пока она осмысливала происходящее, Дини оказался подле топчана.

И встретил взгляд глаз на исхудавшем, подернутом болью лице.

3

От ребенка исходил жар. Дини почувствовал это прежде, чем опустился перед ним на колени.

Сказать, сколько мальчику лет, было сложно. Реальный возраст искажали худоба и одеяло, скрывавшее тщедушную фигурку. У мальчика повышалась температура. Дини почему-то знал, что у сына хозяйки жар усиливался под вечер, под утро же температура сильно падала. Дини не смог бы объяснить, откуда взялось это знание, но сейчас он об этом не задумывался. Его приковал вид ребенка.

В свете нескольких свечей лицо казалось покрытым прозрачной шершавой пленкой. Белки глаз нездорово блестели. Во всем теле, в позе, в блеске глаз, даже в каплях пота читалась боль.

Дини нащупал руку мальчика. Пальцы с неожиданной силой сомкнулись вокруг его запястья. При этом мальчик не шевелился, только рука. Боль цепко держала его. Капли пота на лбу

уплотнились.

Он обречен, шелохнулось в сознании Дини. Обречен и знает об этом. Мать не смогла бы скрыть это от него. Она не могла вызвать лекаря из ближайшего города, медицина нынче — удел избранных. Знахари, берущие меньше, есть далеко не в каждой деревне, но и они — лишь простые смертные и не могут творить чудеса. Сейчас развелось столько болезней! Некоторые из них поначалу не опасны и являют свою сущность, когда становится слишком поздно. Болезни — бич последних десятилетий, по-своему они опаснее недостатка пищи, опаснее многочисленных банд, произвола баронов.

Дини с нежностью смотрел на мальчика, ощущая в душе что-то странное, как если бы он должен был и мог поскорее придумать какой-то спасительный выход.

Между лопаток возникло покалывание, похожее на покалывание в ноге, если ее отсидеть. Мириады иголок вонзались в кожу, рождая сеточку легко переносимой боли. Покалывание распространилось на шею и затылок. Дини чувствовал волнение стоящей за его спиной женщины, чувствовал, как она хочет сказать, что ее сын умирает, что пусть он поспит, и мальчику лучше отойти и тоже поспать.

Вместо этого женщина шагнула к сыну,

отерла ладонью пот с лица. И отступила.

Дини опустился на колени рядом с больным. Ребенок, в глазах которого мелькнули удивление и надежда, ослабил хватку, и Дини высвободил руку. Подушечками пальцев он коснулся тела ребенка, медленно, осторожно. Даже сквозь тонкую, пропитанную потом ткань рубашки Дини почувствовал, какая горячая кожа на груди мальчика.

Пальцы медленно спустились ниже, к его животу. Глаза больного расширились, дыхание замедлилось. Дини испытал странное ощущение: мальчик, поедавший его взглядом, удалялся, и одновременно Дини погружался в него. Он не знал, что именно делает, он как будто отдался течению невидимой реки, и его несло, несло. Покалывание, слегка усилившись, породило ощущение припекающих солнечных лучей, завладело им полностью, погружая в транс. Дальнейшее Дини воспринимал отстраненно, словно только наблюдал за происходящим.

Теперь рука ощупывала тело более требовательно и тщательно. Она опустилась еще ниже, к паху. Здесь пальцы нащупали опухоль, она вздулась так, что не вмещалась в руку. Дини не заметил ее сразу только потому, что живот мальчика прикрывало одеяло. Наощупь образование было мягким, таким же горячим,

влажным, как и все тело, но даже с такой маскировкой оно не могло скрыть свою чуждую суть.

Опухоль грозила убить мальчика. Она посылала во все органы тела потоки боли, ей не надо было расти до невероятных пределов. Опухоль закончила рост, теперь она просто высасывала жизненные силы, беспощадно, с монотонностью запущенного механизма.

Дини накрыл ладонь бугор чуждой плоти, мягко, почти с робостью, как предмет, принадлежащий сейчас другому, но который он хотел бы забрать с собой.

Женщина прижала руки к груди и наблюдала происходящее расширенными глазами.

Дини почувствовал, как покалывание потоком крохотных насекомых переходит в левое плечо, в руку, в ладонь. Руку обжигало, будто он опустил ее в горячее тесто, но боли почти не было. Его глаза стали медленно закрываться.

В этот момент краем глаза Дини увидел нечто, напоминавшее тончайшую паутину или прозрачную ткань. Казалось, прозрачная ткань делила комнату на две части, абсолютно похожие, как зеркальные отражения.

Дини вздрогнул, глаза распахнулись шире. Все было по-прежнему, ни прозрачной ткани, ничего. Короткая пауза, и он вновь сосредоточился

на больном мальчике.

Продолжая держать руку на мерзком образовании, Дини закрыл глаза.

4

В доме было тихо.

Женщина в центре комнаты изредка отрывала взгляд, обращенный на своего сына, чтобы с благоговением посмотреть на маленького гостя. Горела только одна свеча, и лица детей укутало мягким, теплым полумраком, уже не пропитанным, как прежде, угрозой. Женщина стояла и наслаждалась ощущением таявшего внутри льда, который, скапливаясь, грозил задушить ее раньше, чем она увидит смерть сына.

Черная тень, висевшая над ребенком последние дни, пронеслась мимо, оставив после себя лишь холодное дуновение прошедших болей и страхов. То, чему женщина оказалась свидетельницей, она вспоминала снова и снова. Она не видела, как мальчик закрыл глаза, она больше следила за своим сыном. Она беспокоилась, что странное поведение маленького гостя, несмотря на его намерения, причинит сыну боль. Ничего подобного не произошло. Наоборот — мальчик расслабился, его лицо смягчилось. Женщина не понимала, что происходит, странный ребенок

просто сидел рядом с ее сыном, положив ладошки на то место, что и являлось причиной его мучений, но это было не важно. Важным был результат.

Ее сын уже не кряхтел от боли. Более того, он уснул. Она видела расслабленное лицо, закрытые глаза, и хотя не сразу поверила в это, материнским чутьем понимала, что это так. Она застыла, боясь неосторожным движением нарушить это невысказанное достижение.

Женщина не пошевелилась и ничего не сказала, даже когда мальчик, подарив ее сыну сон, поднялся, напоминая лунатика, кое-как пересек комнату и повалился на кровать. Лишь спустя время она убедилась, что сын спит, и приложила руку к его животу. Ей показалось, что опухоль уменьшилась. Опасаясь спугнуть счастье поспешной надеждой, она заставила себя отойти от сына и подождать до утра.

Она спала, когда ее маленький гость проснулся. Дини подошел к сыну хозяйки, приложил руку, убедился, что опухоль исчезла, и, окинув комнату взглядом, подхватил свою котомку и плащик. Он постоял несколько минут, ощущая во рту привкус пшеничной лепешки, и покинул дом.

Он не заметил существо, свисавшее темным продолговатым комком на ближайшем к дому дереве.

Дини вошел в следующую деревушку не потому, что испытывал голод — в котомке еще оставались лепешки. Есть почему-то не хотелось, только пить. Дини, как щенок, припадал к каждому ручейку, пил до ощущения тяжести в животе, наполнял флягу и лишь затем шел дальше.

Его тянуло в людское поселение что-то смутное, но непреклонное. Это была часть его дороги. Мальчик вспоминал прошедшую ночь, как сон, хотя и знал, что это не было сном. Он почти не думал об этом, лишь отстраненно, урывками. Событие просто произошло, он сделал доброе дело, и этого достаточно.

Он снова полагался на интуицию. Отец как-то сказал, что в человеке есть все. В каждом человеке. Каждый из нас способен сделать практически все, просто люди не знают об этом. Нужно лишь прислушаться к себе. Прислушаться не к тому, что подсказывает разум, затуманенный страхом, сотней различных желаний и мнением окружающих, совсем не к этому. Разум — особенность человека, вознесшая его, но он же одновременно и его проклятие. Прислушаться надо к тому, что внутри — к сердцу.

Мальчик свернул к деревушке, не спрашивая себя, идет ли он туда, чтобы кого-нибудь вылечить,

не спрашивая, сколько будет таких людей или как быть, если он пройдет селение, никого не отыскав. Он просто шел предназначенной дорогой.

У первых домов его нагнала летучая мышь. Она дважды спикировала, едва не задев крыльями плечо мальчика, и на время исчезла. Дини заставил себя успокоиться — он ведь знал, что это произойдет. Если ничего изменить нельзя, лучше примириться, не терзать себя понапрасну. Деревенька погружалась в тишину, некоторые дома уже боролись с подступившими сумерками тусклым светом зажженных свечей. Поля за домами лежали опустевшими — ни одного крестьянина. Дини медленно шел, рассматривая домики. Изредка ему встречались люди, спешащие домой после дневных трудов, но никто из них не заговаривал с мальчиком. Нынче много бродяг разного возраста.

Мальчик прошел больше половины деревеньки, прежде чем что-то почувствовал. Он подумывал о ночлеге в лесу, за деревней. Попроситься в чей-то дом означало просить и еды, но Дини это не устраивало. Он не был голоден и не хотел беспокоить людей без необходимости. К этому моменту у него закрадывалась мысль, что в предыдущей деревне его посетило некое озарение, которое, подобно чуду, бывает только раз в жизни. Теперь же он так хотел помочь хотя бы кому-нибудь!

Откуда-то справа, из крохотной улочки, истекал колеблющийся свет. Кто-то держал зажженный факел, возможно, несколько. Слышались приглушенные голоса, фыркнула лошадь.

Дини повернул в направлении этих звуков и шевелящихся отблесков скрытого пламени. Спустя минуту ему открылся дом, добротный для этой деревни, лошадь, запряженная в подводу, с десятков людей. Большинство стояли молча, неподвижно и казались бесплотными тенями. Лишь одна женщина причитала и суетилась, бросаясь то к одному мужчине, замершему на крыльце, то к другому, медленно и неумолимо идущему к подводе. Судя по одежде — дорогому кафтану, это был лекарь, вызванный в деревню. Мужчина, стоявший на крыльце, был мужем причитавшей женщины. Из нескольких реплик, которыми он обменялся с лекарем, из причитаний женщины Дини составил примерную картину происходящего.

Старший сын хозяев дома сломал ногу, и хотя местный знахарь наложил повязку, позволившую кости срастись, подростка подстерегла новая беда — заживающая рана загноилась. Они вызвали лекаря, хотя это ударило по их семейному бюджету, но поздно. Тот поставил свой диагноз, утверждая, что необходимо отнять конечность, чтобы парень вообще остался жив. Мать подростка, все еще не

веря, что иных, кроме ампутации, вариантов нет, молила лекаря сделать что-нибудь. Без ноги ее сын будет мало отличаться от трупа.

Прежде чем сесть на повозку, лекарь остановился, оглянувшись на несчастную, отдавая дань ее горю. Его хмурое лицо не было безразличным, но он ничего не мог изменить. Он забрался на повозку, и старик, державший лошадь за узду, вывел ее со двора.

6

Женщина заголосила громче. Казалось, она с опозданием поняла, что произошло на самом деле. Осознала, что их с мужем поставили перед выбором: дать сыну мучительно умереть или сохранить ему жизнь, которая будет хуже смерти.

Дини колебался. Здесь находилось слишком много людей — не то же самое, что предложить помощь одной-единственной женщине, готовой согласиться на что угодно. Ее муж выглядел слишком угрюмым, почти до жестокости. Дини не был уверен, что у него что-нибудь получится.

Что будет, если он без пользы отнимет у них время?

Дини не опасался, что его прогонят с гневными криками или исполосуют розгами, как шарлатана, вздумавшего посмеяться над чужим

горем. Его заботило другое — каково этой женщине после вспыхнувшей надежды погрузиться в отчаяние?

Угрюмый мужчина прикрыл лицо рукой, быстро убрал ее. Полумрак мешал видеть детали, но Дини догадался, что муж женщины стер с лица слезы и постарался, чтобы никто этого не заметил. Сквозь плач женщины Дини услышал хлопки крыльев летучей мыши — она забилась в ветвях ближайшего тополя.

Мальчик шагнул из тени в переплетающиеся круги света факелов.

Мужчина, обнимавший жену, заметил его, задержал на нем взгляд.

Дини замер. Для второго шага, как ни странно, понадобилось еще больше усилий. И снова в сознании возник голос отца.

Ты можешь сомневаться — это вполне естественно для человека. Но лишь до того, как начал что-то делать. Если же начал, уже не сомневайся.

Дини будто подтолкнули. Еще несколько робких шагов.

Какой-то мужчина, родственник хозяев или слуга, пробормотал:

— Тебе что надо? Не до тебя, — он взмахнул рукой. — Иди, в другом месте подадут.

Дини не обратил на это внимания, его

переполнила решимость, и он подошел к хозяевам. Его заметила женщина.

— Можно я пройду к вашему сыну? — тихо и в то же время настойчиво заговорил Дини. — Пожалуйста.

Женщина перестала плакать, мужчина ослабил объятия, в нерешительности разглядывая незнакомого ребенка.

— Я только попробую ему помочь и, если у меня ничего не получится, сразу уйду.

Никто не произнес ни слова. Все зачарованно смотрели на него. Возможно, если бы не шок от пережитого, Дини бы прогнали. Или просто не пустили бы в дом. Не дождавшись ответа, Дини медленно прошел к открытой двери.

Хозяева зашевелились, когда он оказался внутри.

Их сын — на вид ему было не меньше пятнадцати — лежал на кровати в передней комнате. Здесь был запах тяжелобольной, умирающей плоти. Когда Дини вошел, больной посмотрел на него бессмысленным взглядом, закрыл глаза.

Дини опустился на колени рядом с кроватью. Нога подростка выше колена была забинтована, из-под ткани проглядывала чернота. Прежде чем Дини приложил к ране обе ладони, он почувствовал в них прежнее покалывание. Подросток открыл

глаза, когда чьи-то руки, горячие, пульсирующие, прикоснулись к нему. Потом он заснул.

Когда все закончилось, и чернота на теле уступила место серому оттенку, Дини не смог даже встать. Он опустился на пол возле кровати и погрузился в сон, больше похожий на забытие. Хозяин отнес мальчика на кровать.

Дини проспал всю ночь, утром его накормили, и он снова заснул, чтобы встать лишь к вечеру. Его уговаривали остаться, провести в доме еще одну ночь, но мальчик ушел. На прощание ему наполнили котомку едой.

Покидая деревушку в сумерках, Дини заметил, как его сопровождает летучая мышь.

3. КНИГИ ОРДЕНА ТАЛХОВ

1

Всполохи пламени лизали холодные стены узкого коридора, уходящего вглубь башни, и, не удовлетворившись безвкусным лакомством, бесплотными ящерицами убегали прочь. Чтобы вернуться и повторить все сначала.

Драго смотрел в спину провожатому, несшему факел, и вместе с другими вопросами, мучившими его, спрашивал себя, принадлежит ли тот к Ордену

Талхов. Знать всех в лицо он не мог, особенно тех, кто окружал Старха, главу монашеского Ордена, но не верилось, что в его окружении имелись люди столь отталкивающего вида.

Когда Драго увидел человека, ожидающего внизу, у начала винтовой лестницы, его передернуло.

Высокий, мощный, как каменная глыба, он обладал приплюснутой физиономией то ли обезьяны, то ли бульдога. Маленькие пороссячи глазки были лишены ресниц, подбородок увечил черно-фиолетовый шрам. Лоб и щеки покрывала россыпь крупных, продолговатой формы бородавок. Казалось, на его лице благополучно и незаметно для хозяина устроились пиявки, обожравшиеся кровью настолько, что им было лениво отлепиться.

Урод ничего не сказал, даже не кивнул, призывая за собой, просто окинул подошедшего взглядом, пустым, как покинутая пещера, и повернулся, чтобы затем ни разу не оглянуться. Драго не сразу перестал о нем думать. Как же сочетается внешность провожатого с одним из тезисов монашеского Ордена, ратующего не только за духовную, но и за физическую чистоту?

Впрочем, это мелочь. Гораздо важнее предстоящая аудиенция с главой Ордена Талхов. Драго безуспешно пытался оценить собственное

положение, прежде чем предстать перед самим Стархом. Признаться, было от чего зайти в тупик.

Драго входил в когорту монахов-воинов. Орден, несмотря на официальную политику смиренного паломника, несущего народу лишь просвещение и покаяние, скрывал остро отточенные зубы. Воины составляли в Ордене большинство. Часть из них, небольшая, возможно, пять-десять процентов, не только учились сражаться любым оружием или без него, не только тренировали тело, но и обогащали разум тем, что хранила библиотека Ордена. Именно из них в дальнейшем формировалась смена монашеской правящей элиты.

Этот переход осуществлялся постепенно, в несколько этапов, которые растягивались на долгие годы. Попасть в число приближенных к главе Ордена было делом сложным: зачастую одна ошибка перечеркивала многолетние усилия. Чаше необходима была выносливость, обычная выносливость того, кто поднимается по длинной-длинной лестнице, и даже природный ум, способность к обучению отступали на второй план.

Драго, принадлежащий к талхам с рождения, не задумывался над сутью этого многовекового монашеского образования. Он жил, используя преимущества реки, несущей его вперед, и не задавался вопросом, что будет, если в один

прекрасный день попытаться плыть против течения или же просто свернуть к берегу. Не задумывался до недавнего времени.

В его сознании Орден вел свои истоки с начала Мира, рожденного Великой Катастрофой. Об этом знали даже крестьянские дети. До Великой Катастрофы не было ничего, одна Пустота, хранившая в своем чреве сжатое Время, которое сжималось все больше и больше, и, в конце концов, произошел взрыв, породивший ту самую Великую Катастрофу, преобразовавшую Мир. Мир, который с самого начала был чем-то устоявшимся. Еще в стародавние времена был Правитель Всех Заселенных Земель, бароны, крестьяне, ремесленники. И монашеские ордена. Главным из которых, самым мощным, самым просвещенным являлся Орден Талхов. Это казалось чем-то незыблемым, и спрашивать, правильно ли Орден скользит по воде жизни, казалось, по меньшей мере, абсурдным.

Драго шел дорогой, дарованной судьбой, познавая премудрость, которая позволяла не терзаться понапрасну вопросами, возникавшими у простых смертных. Благодаря не только природной гибкости, но и живому уму Драго был определен в воины еще с раннего детства.

Один из этапов продвижения вперед предполагал наличие Учителя. Обычно это был

пожилой монах, опытный во всех отношениях, и в учениках у него ходила лишь небольшая группа — человек пять-семь. Если кто-то из молодых монахов преодолевал этот этап, его Учитель мог рассчитывать на то чтобы стать приближенным к главе Ордена. Таким образом, заинтересованность была обоюдная. Сами ученики были лишены какой-либо конкуренции. Они не знали по каким критериям кто-то опережает остальных, и они также не знали, какое количество человек пройдет этот этап. Оно могло быть разным: от одного до всех сразу.

Этап предполагал эпизодическое общение с самим главой Ордена. Либо с кем-то из его Совета — трех старцев, высказывавших собственное мнение по какой-нибудь важной проблеме, прежде чем глава принимал окончательное решение. Главный монах Ордена задавал ученикам разные вопросы, реже что-то рассказывал сам, и его редкие посещения превращались в своеобразный экзамен, оценку которого ученик мог никогда и не узнать.

Этап также предполагал часы, проведенные в библиотеке Ордена. Был Свободный час — каждый из учеников в сопровождении Учителя выбирал книгу на свой вкус и мог, не уходя, конечно, воспользоваться тем, что в ней заложено. И еще час Бдения. В отличие от Свободного этот час был единственным за все время ученичества. Он

предполагал ночь, проведенную в библиотеке. Считалось, эта ночь наедине с древними книгами подпитает монаха необходимой аурой. Монах оказывался единственным стражем библиотеки на несколько долгих часов, пока обычный охранник, тоже старый опытный монах, удалялся вздремнуть. В некотором роде час Бдения являлся допуском на экзамен, после которого молодой монах мог пройти дальше. Либо свернуть на иную стезю.

Драго было тридцать лет — возраст, раньше которого монахи вообще не оказывались в учениках, но он уже приходил к Учителю три года. Драго был очень перспективным. Он догадывался, что ему первому из его группы будет предложен час Бдения.

К этому моменту до него уже дошли слухи, которые в детстве могли показаться лишь бреднями спятившего еретика.

До Великой Катастрофы, преобразовавшей Мир, не было никакой Пустоты. До Великой Катастрофы на Всех Заселенных Землях была иная цивилизация, более мощная и развитая. И ее создали такие же люди.

2

В библиотеке Ордена стояла тишина склепа, где само Время стерло в пыль даже кости

покойников. Каждый шаг разлетался меж стеллажей, заставленных книгами, плотными комками эха. Длинные ряды, лабиринтами уходящие в темноту, казалось, расступались, давая осторожным, ирреальным звукам полную свободу.

Драго с благоговением рассматривал полчища старинных фолиантов, как будто порождавших запах Вечности.

Седовласый монах, Страж библиотеки, задержал взгляд на том, кому суждено было этой ночью пройти час Бдения. Драго почувствовал этот взгляд и придал своему лицу более правдоподобную отрешенность, как подобает истинному талху.

— Ты остаешься здесь один, — тихо сказал монах, и эхо, отпущенное на волю, робко зашелестело в самую сердцевину загустевшего меж стеллажей мрака. — Помни: эти книги — мозг Ордена, и на некоторое время он останется в твоей власти. Это великая честь. Но и великая ответственность. Помни также: в час Бдения нужно молиться Небу. Позже у тебя окажется достаточно времени, чтобы получить абсолютно все знания, что скрывают эти книги. Если на то будет воля Провидения.

Голос Стража, вкрадчивый, мягкий, хранивший обманчивость маленького огонька, который в любой момент мог превратиться в

свирепое, ничем не скованное пламя, смолк. Несколько секунд где-то в глубине библиотеки эхо еще шуршало полами своего невидимого плаща, но тишина Вечности впитала и эти звуки. Седовласый старик поклонился и спустя мгновения растворился на выходе.

Драго остался один.

Минуту он смотрел вслед охраннику, как будто предполагал, что тот передумает и вернется. Молиться, сказал старый монах. Молиться, чтобы благоденствие коснулось каждого человека на Всех Заселенных Землях.

Драго не имел ничего против.

И все же его жгло нетерпение, настоянное на смутных, неудовлетворенных терзаниях. На терзаниях, порожденных тем, что он услышал два года назад от Лона, входившего в его группу учеников.

Вряд ли их можно было назвать друзьями — Драго держался достаточно обособленно. Предполагалось, что все талхи — братья, и дружба между отдельными учениками получалась чем-то излишним. Так или иначе, они общались друг с другом не чаще, чем с другими молодыми монахами, но все же новости, предназначенные не для всех ушей, Лон сообщал именно Драго. Он был сыном еретика, казненного, когда Лону исполнилось два года. Насколько это было связано

с тем, что якобы знал Лон, Драго не мог сказать. Он просто слушал. Наверное, Лон рассказывал ему что-то секретное потому, что Драго выглядел более отрешенным, нежели другие, и, значит, казался более надежным. Драго слушал, давно усвоив к своим годам: любая информация не берется из ничего. Даже самая невероятная ересь. Драго любил анализировать, откуда и как возникали даже те мнения, которые он с самого начала относил к ошибочным.

Лон, хоть они и находились в келье одни, говорил шепотом:

— Можешь не верить, но до Великой Катастрофы люди жили уже несколько тысячелетий. Они создали невиданную цивилизацию, которая и рухнула в результате Великой Катастрофы. Выжило очень мало людей, — Лон помолчал. — Это знал еще мой отец.

Драго никак это не прокомментировал, лишь посмотрел на приятеля.

Лон вспыхнул, как будто Учитель услышал из его уст ругательство.

— Эти люди, до Великой Катастрофы, были такими же, как мы, очень похожими. Правда, они... говорили на сотне языков, и... и звали их странными именами, совсем не такими, как наши.

На этот раз Драго не смог удержаться от вопроса:

— Скажи, зачем людям, если они были такими же, как мы, понадобилось столько языков? Куда проще пользоваться одним.

С начала ученичества Драго старался критически относиться к любому, даже незыблемому утверждению, и втайне гордился этой чертой, хотя и стремился подавить гордыню.

Лон смутился, приоткрыл рот, и Драго подумал, что приятель выкрутится. Скажет что-нибудь типа: это одна из загадок Прошлого, которое современники несправедливо нарекли Пустотой. Лон тяжело, вымученно вздохнул.

— Не знаю.

Возможно, именно эта искренность зацепила Драго, заставила поверить, что такое может быть. Много месяцев спустя Драго вопреки себе сам коснулся этой темы в разговоре. Когда Лон услышал вопрос, не поговорить ли об этом с Учителем, он побледнел.

— Не выдумывай! Никому не говори об этом! Если что, я тебе тоже ничего не говорил, я отрекись от своих слов, скажу, что на меня наговаривают. Мать как-то сказала: о том, что было до Великой Катастрофы, знают только Старх и его Совет. И самое близкое окружение.

— Почему они не скажут об этом всем талхам?

Лон замахал руками.

— Это нельзя знать всем! Если тебе суждено, и тебя приблизят, тогда и узнаешь.

Лон уже уходил, когда повернулся и чуть слышно прошептал:

— Говорят, в библиотеке Ордена есть... какие-то книги, что были еще до Великой Катастрофы. Они — самое настоящее подтверждение, что не было никакой Пустоты.

Драго помнил этот разговор слово в слово. Подтверждение — в библиотеке.

И вот он здесь без Учителя, без других учеников, он здесь один.

3

Библиотека находилась в башне, возвышавшейся над основным монастырем Ордена Талхов, где-то между верхним этажом и фундаментом. Наверху располагались кельи главы Ордена и его Совета. Ниже шли другие помещения — хранилища для реликвий, оружия и продуктов.

Потом располагался этаж, отведенный под библиотеку.

Драго был один на целом этаже, но это ни о чем не говорило. Очень близко — всего лишь три десятка шагов кверху, находился сам Старх. Еще ближе были другие люди. То, что библиотека предоставлена в его полное распоряжение, было

скорее иллюзией, и Драго понимал это. Нужно молиться, сказал монах-охранник, именно молиться, а не просматривать книги. Это право предоставят ему позже.

Если на то будет воля Провидения.

Или... Драго мог уже никогда тут не оказаться.

Молодой монах смотрел во тьму стеллажей и жадно вдыхал сладковато-пыльный запах тысяч фолиантов. Возможно, он находится здесь в последний раз. Он понимал, что никакое здравомыслие не удержит его.

Максимум, на что его хватило, это выждать полчаса хоть для какой-то уверенности, что его оставили надолго. Драго стал медленно, часто останавливаясь, обходить стеллажи, вглядывался в книги, изредка брал какую-нибудь, убеждался, что она не имеет отношения к некоему Прошлому, и двигался дальше.

Чуть больше, чем за час, он обошел всю библиотеку. За это время он не один раз заставлял себя класть на место очередную книгу, привлекающую его внимание, заставлял потому, что она, какой бы интересной ни была, никак не приоткрывала ту дверцу, которую он искал.

Драго вернулся к выходу из библиотеки, выглянул на лестницу, ведущую вверх и вниз. На несколько минут застыл в задумчивости. Почему-то

он уже верил, что Лон действительно слышал не ересь, а что-то имевшее под собой основу.

Драго размышлял, и наконец внутри шевельнулась догадка.

Если подобные книги есть, они не лежат на виду. Либо в библиотеке есть тайник, либо, что гораздо хуже, эти книги вообще находятся в другом месте. Например, где-нибудь в комнатах Старха. Или в одном из хранилищ. Скорее всего, именно так, и Драго испытал разочарование. Он решил довести поиски до конца, больше такого случая могло и не представиться. Прежде чем действовать, он пустил себя по следу неумолимой логики, как говорил им Учитель. Можно разложить на составляющие любую запутанную ситуацию, нужно лишь сосредоточиться, отстраниться от всего, что не касается данной проблемы, и смотреть на вещь чужими глазами.

Это принесло результат.

Драго предположил, что тайник, если он существует, находится в глубине библиотеки. Он прошел туда с двумя свечами. Не торопясь, изучил тыльную стену, прикрытую пыльными портьерами и фресками. Ничего. Он перевел внимание на пол. В отличие от большинства других помещений, где пол был каменным, в библиотеке его покрыли деревом. Драго сомневался, что перегородка между этажами вместила бы тайник для древних книг, но

он не мог знать, сколько существует этих книг, и каково необходимое для них помещение.

Небольшое пространство у тыльной стены покрывала узкая ковровая дорожка. Драго приподнял ее край и оттащил в сторону.

Под ней ничего не оказалось. Обычный пол.

Вздыхнув, Драго потянул дорожку на прежнее место. Резко остановился. Зрение что-то уловило. Драго поднес поближе свечу и заметил на полу плоское кольцо. Кольцо вряд ли можно было почувствовать под ковровой дорожкой, если наступить на него, и также сложно увидеть из-за одинакового с полом цвета. Драго коснулся кольца рукой и, когда потянул его на себя, следом потянулся прямоугольный кусок пола. Это был люк, скрывавший под собой сгусток темноты, из которой пахло пылью и сухой древней бумагой.

Драго отпрянул, кольцо вырвалось из рук, и люк с глухим стуком захлопнулся.

Драго оглянулся, прислушался. Если не считать сердечного аккорда, ничего не изменилось — то же беззвучие. Он медленно потянулся к люку, нашарил кольцо, поколебался и снова поднял крышку. Откинул её. Отсветы огонька свечи заставили тьму внизу подрагивать бесформенной тушей существа, заточенного в этой потайной комнате. Драго медлил, ожидая чего-то, успокаивая собственный ум, противившийся предполагаемому

спуску. Медлил, хотя понимал, что время уходит.

Наконец, он подхватил одну из свечей, спустил ноги, нащупал ступеньки лестницы и начал спуск. Тьма отступала дымной тучей, которую изгоняют порывы ветра, жалась к стенам неожиданно узкой комнатки, сворачивалась по углам, уплотнялась в них, стремясь не пустить свет хоть в какое-то место.

Драго замер, ступив на пол. Подпрыгнув, он достал бы крышку люка. Расставив руки в стороны, он коснулся бы двух стеллажей с книгами. Две другие стены комнаты, вдоль одной из которых крепилась металлическая лестница, находились не дальше шага от его дрожащих пальцев — одно движение, и он коснулся их. Стеллажи были узкими, каждая полка вмещала только один ряд книг. Их было немного, особенно если сравнивать с теми, что заполняли саму библиотеку, но от этих книг исходила необычная аура — Драго почувствовал это. Книги были другими! Не только из-за внешнего вида, какого-то лощеного, богатого что ли. Казалось, эти книги даже стояли на полках как-то иначе, более естественно.

Это необъяснимое ощущение заставило Драго потерять еще несколько минут — он лишь разглядывал книги, не решаясь притронуться к ним. Когда он все-таки взял одну, с невероятно светлой бумагой, ему почудился какой-то звук.

Звук наверху, в библиотеке.

4

Драго застыл.

Он как будто раздвоился, и одна часть требовала хотя бы открыть эту книгу, просто заглянуть в нее или спрятать ее за пазуху, но не уходить из этого затаившегося мира ни с чем. Другая часть требовала проявить чудеса скорости и ловкости, и уйти отсюда, не оставив следов, прежде чем его обнаружат.

Он не знал, что его ждет в этом случае. Вряд ли обойдется без последствий, если даже окружение Старха уже решило, что Драго прошел путь ученичества, и ему положено узнать то, что не доступно другим. Даже в этом случае.

Если же его не посчитали готовым подняться на следующую ступень в иерархии талхов...

Правая нога ступила на нижнюю ступеньку лестницы, руки протянули книгу к полке. И все же что-то заставило Драго распахнуть книгу. Дрогнувшая свеча едва не потухла. Обманчивый свет позволил увидеть строки всего на мгновение. Прежде чем захлопнуть книгу и убрать на прежнее место, Драго заметил, что шрифт разительно отличался от виденного ранее. Он не был таким плавным, изящным, как в современных книгах,

скорее жестким, неумолимым, категоричным. Он был чужим. Подобное могло родиться только в каком-то ином мире. Вряд ли бы Драго понял смысл этих строк, даже обладай он долгими часами.

Поднимаясь по лестнице, он почувствовал внутри сопротивление — что-то требовало вернуться и схватить одну из книг. Поздно. Драго выскочил из тайника, опустил люк, и ему показалось, что люк хлопнул. Свеча в руке погасла, к счастью, была другая, которую он оставлял на полу. Драго поправил ковровую дорожку, замер, прислушался.

Появилась надежда, что звук, вырвавший его из тайника, померещился, но слух опять что-то уловил. Чьи-то шаги?

Спустя несколько мгновений смутный шорох перешел в шаги. Драго уловил их благодаря эху. В его сторону кто-то шел. Наверняка монах-охранник. Он что-то услышал, либо подошло время возвратиться в библиотеку.

«Отстранись», — воскликнуло в нем то, что являлось стержнем монаха-талха. То, что в первую очередь в нем и тренировал Учитель. Отстранись и спаси то, что еще можно спасти.

Драго выпрямился, расслабился. Сделал глубокий вдох.

Где-то, в другой Вселенной, раздавались неумолимые шаги.

Драго сделал долгий, затяжной выдох,

выпуская вместе с ним тревогу, замешанную на суматошных обрывочных мыслях. В голове образовалась пустота, и на смену ей пришло хладнокровие.

Драго увидел ситуацию глазами постороннего. Монах-охранник еще не заметил его, и какие-то секунды в запасе были. Драго совершил оплошность — он должен находиться ближе к выходу и молиться, но никак не стоять в глубине библиотеки. Этого уже не исправить. Главное — не выдать, что он обнаружил тайную комнату. Он не оставил там следов, никто его там не видел, и, значит, решающим теперь было его поведение.

Расслабься, никакого напряжения. Особенно в лицевых мускулах.

Страж подходил медленно. Он не звал молодого монаха, проходившего в библиотеке Ордена час Бдения, он шел молча. Страж просто искал его. Драго и не надеялся, что пожилой монах уподобится женщине, испуганной отсутствием ребенка. Только не это. Талх, особенно опытный, должен оставаться невозмутимым при любых обстоятельствах, даже в момент собственной казни, хотя это — высшее мастерство.

Драго уловил тень, она превратилась в расплывчатую фигуру. Драго мог опуститься на колени, закрыть глаза, изобразив моление — это как раз соответствовало объяснению, которое он

заготовил, но старый монах, скорее всего, почувствует фальшь. Драго подхватил с пола свечу и двинулся навстречу.

Монах-охранник заметил его и остановился, ожидая. Драго приблизился, остановился в трех шагах. Старик окинул его равнодушным взглядом. Он ничего не спросил, не вымолвил ни слова, только рассматривал, как будто чего-то ждал. Драго почтительно молчал. Заговорить первому — не только проявить элементарную невежливость, но и поставить себя на место оправдывающегося. Драго понимал, что старик старался идти бесшумно и хотел увидеть молодого монаха первым.

Молчание длилось долго, но всему приходит конец.

— Почему ты здесь? — спросил старый монах.

Драго ждал этого, и все же ему стоило серьезных усилий сохранить невозмутимое выражение лица. Он выдержал паузу:

— Отец, в этом величественном месте я не мог сидеть без движения. Эти книги жгут меня тем, что хранят. И, чтобы молиться, мне пришлось ходить взад-вперед. Кое-как я сосредоточился только здесь, в глубине этого хранилища мудрости.

Драго умолк, ожидая реакции. В горле образовался ком, но монах не решался сглотнуть — это неминуемо придало бы лицу оттенок вины либо

страха. Слабый оттенок, но вряд ли это укрылось бы от взгляда монаха-охранника. Между тем ком в горле рос, распухал, как пораженный сустав. Снова потянулись секунды, вялые, медлительные, как очнувшиеся от зимней спячки насекомые. Превратились в минуту, вторую.

Третью.

Старый монах так ничего и не сказал. Он медленно кивнул — неопределенный жест, Драго так и не понял, что он означает, затем повернулся и пошел назад. Драго ничего не оставалось, как пойти следом за Стражем.

4. ПРОРОЧЕСТВО

1

На следующий день Драго получил приглашение к Старху.

Он не спал всю ночь. Думал, пытался предугадать, что принес ему час Бдения. Монах-охранник проводил его к выходу, перепоручил провожатому и напоследок сказал, что Драго обязан находиться в своей келье, не отлучаясь, молиться весь следующий день и никого не принимать.

В этом не было ничего особенного —

подобное рекомендовали всем прошедшим час Бдения, но Драго напутствие Стража не понравилось. Казалось, от него потребовали ожидать своей участи, не пытаясь скрыться.

В некотором роде так и было. После часа Бдения возможны любые перемены, но все может остаться по-прежнему. Если бы речь шла о том, продвинется он дальше или нет, Драго просто лег бы на кровать и выспался. Его тревожило другое — догадался ли старый монах, что Драго проник в тайник? Проверяли комнату под полом библиотеки после ухода испытываемого или нет? Какой участи ему ожидать? Драго никогда не слышал о подобных преступлениях или, если это правильнее, проступках.

Он встревожился, когда не появился Лон, хотя день близился к концу. Приятель знал о часе Бдения Драго и никак не сдержал бы любопытство — он всегда игнорировал мелкие запреты. Конечно, Лон мог быть занят — жизнь талха на этапе ученичества насыщена, — но приятель мог освободиться хотя бы на минуту.

Создавалось впечатление, что Драго незримо охраняют, и Лона просто-напросто не пустили. Когда к нему заглянул сам Учитель и бесстрастно сообщил о главе Ордена, уверенность Драго в этом стала полной. Учитель вышел, Драго даже не успел рассмотреть его лицо, заговаривать сам он не

рискнул.

Драго поднялся, выглянул из единственного окошка, но это ничего не дало. Он видел лишь часть пустого внутреннего двора длинного одноэтажного здания, где помещались кельи учеников. Впрочем, смысла в серьезной охране нет. При желании Драго мог покинуть монастырь незамеченным, однако этим он ничего бы не выгадал. Он станет изгоем, а тот, кто изгнан из Ордена, уже ни к кому не прилепится — его все будут чураться сильнее, чем прокаженного. И Драго отдал себя в руки судьбы. Он не знал, что его ждет, и все могло измениться в лучшую сторону.

Стемнело, когда снова заглянул Учитель и сообщил, что Драго ждет провожатый. Ждет у входа в башню. На этот раз Драго не задал ему ни единого вопроса. Это был бы признак слабости, даже вины. Драго решил, что легче идти вперед, не зная собственной участи.

Он оставался в неведении до тех пор, пока провожатый с пиявками бородавок на лице не ввел его в небольшую тускло освещенную залу. Где его уже ждали. Здесь было больше света, чем на лестнице или в коридоре, однако Драго пришлось некоторое время привыкать к своеобразному освещению.

У дальней стены, где располагались ожидавшие молодого монаха люди, горел факел, но

их лица оставались в тени. С десятков свечей, разбросанных по периметру помещения, лишь слегка разгоняли полумрак. Урод равнодушно, без подобострастия поклонился и бесшумно вышел. Драго остался наедине с четырьмя неподвижными фигурами, казалось, сотканными из загустевших кусков мрака.

Старха он узнал сразу, прежде чем глаза привыкли к освещению. Глава Ордена сидя казался выше остальных, хотя это было не так. Он сидел на некотором возвышении, занимая центральное место. Как и у простых монахов, его голову покрывал капюшон рясы, хотя под ним пряталась копна длинных волос — признак элиты талхов. Рядовые члены Ордена брили голову наголо. Широкая ряса скрадывала фигуру Старха, делала ее бесформенной, но Драго слышал, что телу главы Ордена позавидует любой из молодых монахов.

Трое других монахов Совета были одеты в одинаковые плащи, скромные на вид, но из дорогой ткани. Все трое были седовласы, будто Боги, сошедшие на Землю вершить Всемирный Суд.

По правую руку от Старха сидел Луж. Поговаривали, что из трех монахов Совета, официально имевших равную силу голоса, именно Луж обладал особым влиянием на главу Ордена. Он и сидел ближе других. В случае смерти Старха или его тяжелой болезни главой Ордена становился

Луж. Слева от Старха располагался Занл, худощавый, мелкий, ниже остальных. Справа от Лужа сидел Уинар. Волосы его казались посыпанными мукой, настолько яркой была седина, тело — плотнее, чем у других.

Перед членами Советами находился высокий стол, где лежала доска с фигурами из кости. Шахматы. Партия находилась в начальной стадии — ни белые, ни черные фигуры не сделали еще ни одного шага. Кто и против кого собирался играть в этом помещении Драго, конечно, не мог знать.

Драго не различал их глаз, но чувствовал, что они смотрят на него. Они будто испытывали его взглядом, прежде чем испытать словами. Молчание длилось долго. Верный признак того, что из него хотят вытянуть как можно больше, прежде чем состоится собственно разговор. Драго неплохо справлялся с собой. Правда, под этими взглядами он не мог ни о чем думать, вся энергия уходила на то, чтобы оставаться бесстрастным, но в данный момент суетливые размышления, терзавшие, пока он поднимался на верхний этаж башни, не были нужны.

Луж пошевелился, и Драго, внутренне вздрогнув, приготовился к началу разговора. Однако никто из четырех старцев, сидящих полукругом, не произнес ни слова. Лишь спустя еще три-четыре минуты Старх, наконец, заговорил:

— Драго, можешь взять стул и сесть.

Голос мягкий, уверенный, пропитанный внутренней силой. Не властью, именно силой ума и достоинством отдельно взятого человека.

Драго склонил голову.

— Спасибо, отец, в твоём присутствии я предпочитаю стоять.

Никто никак не отреагировал на эту дань уважения подчиненного, лишь Старх сделал неопределенный жест рукой, но он мог означать что угодно, даже «как хочешь».

— Ты прошел час Бдения, — Старх сделал паузу. — Твой Учитель считает, что ты обладаешь более острым умом, чем остальные ученики его группы. При этом ты — воин, не уступающий многим опытным монахам.

Драго осторожно поклонился. Холод, хозяйничавший внутри, начал отступать. Конечно, он мог поторопиться с выводами, и начало разговора не являлось его сутью, но сдерживаться было выше его сил. Похоже, его проникновение в тайную комнату осталось незамеченным. Это было самым главным. Не важно, прошел он этап ученичества или нет, для упорного монаха всегда остается шанс продвинуться дальше, но не для того, кто нарушил общие правила талха.

— О твоей дальнейшей судьбе в нашем братстве мы поговорим позже. Прежде, чем

сообщить, зачем ты вызван, позволь задать тебе один вопрос.

Драго напрягся, интуитивно, не успев ни о чем подумать.

— Скажи, что было до Великой Катастрофы?

2

У Драго перехватило дыхание. При этом он не изменился в лице, что было особенно сложно, если учесть, что их взгляды стали еще пристальней.

Что это было? Провокация? Хотят, чтобы он признался лично?

Он смотрел на главу Ордена, а перед глазами почему-то возникло лицо Учителя. Какой бы проступок ни совершил талх, говорил тот, он не терзается этим. Если все позади, если ничего нельзя изменить, терзаться бессмысленно. Нужно лишь сделать выводы на будущее, но ни в коем случае не обращать их в прошлое.

Драго мог признаться в содеянном, это уже не имело значения, но он воспротивился этой мысли. Что если никто не следил за ним во время часа Бдения? Как они докажут это, если он не оставил в тайнике никаких следов?

Отрицай! Возможно, этот неприятный вопрос вовсе не является ударом в спину, и для него у главы Ордена имеются свои причины.

Пауза затягивалась, и Драго, так и не сумев расслабиться, искал подходящий ответ. Чувствуя, что дольше тянуть нельзя, и он выдаст себя, Драго склонился к тому, что должен официально знать каждый монах.

— До Великой Катастрофы не было ничего. Одна Пустота.

Старх чуть заметно кивнул.

— Драго, ты не задумывался, насколько верной является эта истина?

Драго сглотнул. К счастью, он хорошо владел собой.

— Зачем, отец? Это же истина!

Старх снова кивнул, непонятно, удовлетворенный ответом или нет.

— Да, истина, но кто ее придумал? — Старх не спрашивал, он размышлял, и Драго промолчал. — Тот, кого мы не знаем и никогда не видели? Тот, кто был таким же смертным? Тот, кто был отягощен терзаниями и проблемами, как и большинство остальных людей? Между тем это не совсем так.

Старх подался вперед, породив у Драго иллюзию, что он вот-вот коснется молодого монаха протянутой рукой, хотя между ними было никак не меньше пяти шагов.

— Я говорю о Пустоте.

Трое старцев из Совета зашевелились,

точь-в-точь люди, которым стало неуютно от посторонних разговоров. Драго хотелось сейчас только одного — скорее уйти отсюда. Пусть Старх замолчит, остановится на том, что уже сказал, и Драго избегнет чувства, что его посвящают в детали преступления, после чего он станет соучастником.

Старх продолжал:

— И не только о Пустоте. О Великой Катастрофе тоже. Конечно, Катастрофа была, но ее сущность извратили за столетия религиозные учения.

На лице Драго появилось удивление, и Старх сделал небольшое отступление:

— Ты спрашиваешь, почему наш могучий Орден не вносит в жизнь это Знание? К сожалению, люди в большинстве своем слабые существа, чтобы спасти их, приходится идти на искажения. Настоящее Знание повредит им. Очень давно один из моих предшественников вместе с Советом Ордена принял решение хранить истинную суть Великой Катастрофы. Это было мудрое решение. Отчасти благодаря ему человечество когда-то выжило. Чтобы тайна оставалась тайной, со временем истину пришлось закрыть даже для большинства самих талхов.

Драго вздрогнул. Происходящее оказалось сильнее его самообладания. Это не укрылось от

Старха. Он никак не отреагировал, но Драго почувствовал это.

— Тебе выпала честь прикоснуться к Знанию, Драго, — шепот Старха чем-то напоминал шипение поверженной змеи. — О причине этого ты узнаешь позже.

Драго заставил себя поклониться в знак признательности. В голове царил сумбур. Разложить его и тем самым уничтожить было нереально — Старх не делал пауз и продолжал говорить:

— Великая Катастрофа отнюдь не создала этот Мир. Она едва не убила Его. До Катастрофы была мощная цивилизация, наша по сравнению с ней — недоразвитое дитя. Те люди начали подчинять себе даже Природу. Их было очень много, у них были города, где проживало людей больше, чем сейчас на Всех Заселенных Землях.

Драго попытался представить подобное скопление человеческих тел. Ничего не вышло.

— Что же случилось? — Драго смутился, что заговорил без разрешения.

Это не вызвало неудовольствия ни у одного из четырех монахов. Похоже, они понимали, что ситуация, мягко говоря, отличается от обычной.

— Эпидемия. Люди Прошлого могли лечить многое, буквально творить чудеса, но появилась зараза, против которой они так и не нашли

спасения. Три четверти умерло за считанные недели. Остальные умирали постепенно, большинство — из-за условий, слишком тяжелых после прежней жизни. В живых осталось мало, они влачили жалкое существование. Их потомки, приспособившись, дали некое развитие. Дали начало иному Миру. Нашему.

Старх ненадолго замолчал. Молчал и Драго, хотя его распирало множество вопросов. Прав был Лон, прав! До Великой Катастрофы жили другие люди!

— Теперь ты знаешь все, — сказал Луж.

Голос колючий, как порывы северного ветра.

Драго перевел взгляд на него. Внутри расплавленным металлом растекался вопрос: почему же вы мне все это рассказываете?

Старх мучил его недолго.

— О той эпидемии сохранились знания. Например, симптомы, что положили ей начало. И вот в чем дело, Драго. К нам поступили сведения о больных с такими же симптомами. Сразу из нескольких мест, расположенных далеко друг от друга. Больных изолируют, но все говорит о том, что это не поможет. Нам грозит эпидемия. Та эпидемия, что уничтожила цивилизацию Прошлого!

Драго шумно выдохнул. Он почувствовал слабость, растерянность, будто едва не сорвался в пропасть. Возможно, поэтому дальнейшие слова главы Ордена поначалу показались ему бредом.

— Ты слышал о мальчике, взявшемся неизвестно откуда? Он идет по Землям и по пути лечит людей. Слухи о нем только появились.

Драго непонимающе смотрел на Старха. Резкая смена разговора смутила его.

— Мальчик, возраст от семи до двенадцати лет, идет из деревни в деревню, лечит разные болезни. Иногда за ночлег и еду, чаще просто так.

— Лечит разные болезни? Отец, этот мальчик может остановить эпидемию?

Уинар, сидевший до этого молча, без единого движения, улыбнулся одними губами. Он оказался единственным, кто так отреагировал. Старх возразил тем же мягким, но сильным голосом:

— Не все так просто, Драго. По каким-то причинам эпидемия, которая грозит Всем Заселенным Землям, не распространяется из одного места подобно другим инфекционным болезням. Она возникает сразу в нескольких точках. И мальчик не сможет вылечить сразу многих. По нашим данным, на каждого он тратит какое-то время, потом ему нужна передышка. Но не это главное. Мальчик обладает иммунитетом к болезни.

Наверное, единственный из людей теперешнего Мира.

— Откуда это известно, отец?

Старх опустил голову, будто давая слово кому-то из Совета, и действительно — заговорил Луж:

— Когда Орден Талхов образовался, еще в стародавние времена, сразу после Великой Катастрофы, один святой человек выбрал именно наш Орден, чтобы передать устное Пророчество. Оно известно лишь главе Ордена и членам Совета, оно передавалось из поколения в поколение. Мы не имеем права огласить тебе Пророчество полностью, только передадим суть.

Луж посмотрел на главу Ордена, безмолвно спрашивая, продолжать ли ему. Старх молчал, и Луж сказал:

— Всякому этапу развития человечества предназначен свой Мессия. У людей Прошлого он тоже был. В совершенно иной форме, но это не важно. Так или иначе, святой человек, имя которого кануло в небытие, оставил после себя Пророчество, в чьей истинности сомневаться не приходится. Пророчество полностью предсказало то, что происходило от момента Великой Катастрофы до наших дней. В нем упоминается эпидемия, та же эпидемия, что уничтожила прежнюю цивилизацию. В Пророчестве упоминается мальчик, идущий

вперед по неизвестным для других причинам, он лечит людей и неуязвим для эпидемии.

Луж замолчал. То ли давал возможность Драго осмыслить услышанное, то ли предоставил слово кому-то другому. Заговорил Старх:

— Пророчество утверждает, что спасение Мира в этом мальчике.

— Отец, — решил Драго. — Ты же сам сказал: мальчик не в силах остановить эпидемию.

— И не беру своих слов обратно. Мальчик идет без определенного направления и какой-то логики. Он не ищет очаги тяжелых болезней, он просто идет. Но Пророчество не ошибается. В Пророчестве упоминается даже то, как постепенно будут распространяться слухи.

Старх ненадолго замолчал. Драго ждал. Он и так позволил себе слишком много высказываний.

— Загадка оставалась бы неразрешенной, если бы на нее не потратили годы мои предшественники. Один из них, Занкк, до принятия сана Главного Талха увлекался медициной и алхимией. Он изучал все сведения об эпидемии, ставшей причиной Великой Катастрофы. Благодаря его знаниям смысл предсказанного в отношении мальчика оказался раскрыт. Все дело в крови ребенка.

У Драго расширились глаза. Старх продолжал:

— Микробы, попадая в кровь, быстро

поражают все системы организма. Но у мальчика дар Неба. Его кровь должна убивать бактерии. Занкк предположил и теоретически доказал, что на основе крови мальчика реально создать вакцину против эпидемии. Это и есть тот шанс, причем — единственный.

— Отец, значит, этого чудесного ребенка придется... умертвить?

— Не обязательно. Знахари Ордена знают способы взять у человека кровь в немалом количестве без ущерба для него. Быть может, есть риск, что мальчик не выживет. Но даже в этом случае лучше пожертвовать одним ребенком, чтобы спасти Мир, нежели наоборот. На то он наш Спаситель.

4

Драго догадался, что завершилась первая часть беседы, предварительная. Он услышал достаточно, чтобы анализировать это не один день. Мальчик. Эпидемия. Пророчество. Вакцина. Но сейчас важнее его собственная судьба.

Драго низко поклонился.

— Отец, чем я заслужил, что мне открыли тайну?

— Ты ловок, вынослив. Нам понадобится твоя выносливость. Это важнее даже опыта пожилых

монахов. Ты должен найти этого мальчика и привести сюда. Либо передать в ближайший монастырь талхов.

Драго неверяще посмотрел на главу Ордена. Ему все труднее давался контроль своих эмоций.

— Это нелегкая задача. Об этом не должны знать, и ты пойдешь один. Для посторонних Орден в поисках не участвует. Когда мы найдем мальчика, нам понадобится какое-то время, чтобы создать лекарство. Нам не должны мешать. Правитель Всех Заселенных Земель и его союзники-бароны должны остаться в неведении относительно того, где находится мальчик.

К разговору подключился Луж:

— Если поиск не будет тайным, причем минимальными силами, до самого мальчика дойдут слухи об этом прежде, чем мы его найдем. И тогда... Кто знает, не затаится ли он?

— Мальчик все равно будет идти и лечить людей — ему это предначертано, — сказал Старх. — Но открытый поиск привлечет к нему сотни проходимцев. Лишь один человек, который выглядит, как обычный простолюдин, может рассчитывать на содействие крестьян.

Драго поклонился.

— Это задание — великая честь, но не знаю, достоин ли я этого? Справлюсь ли?

На минуту воцарилось молчание. Именно

отсутствием каких-то комментариев глава Ордена и Совет давали понять неуместность этих вопросов.

Старх сказал:

— На дорогах сейчас полно бродяг, в том числе и детей. Прежде чем ты приведешь мальчика, удостоверься, что это тот, кого ты ищешь. В противном случае ошибка будет дорого стоить. Нам всем.

Глава Ордена замолчал, неожиданно напомнив обычного старика, уставшего от повседневных забот, и за него продолжил Луж:

— Пойдешь пешком, в обычном дорожном плаще, но под ним останется ряса нашего Ордена. Это — страховка. На случай, если твоей жизни будут угрожать местные власти, когда ты найдешь мальчишку. Воспользуешься этим только в крайнем случае. Возьмешь короткий меч, кинжал, монашеский арбалет и хлыст. Начнешь с города Лизия — восточный удел земель барона Магбура. Мальчик находился там, когда о нем поступили сведения. На пути тебя будет ждать кто-либо из талхов в каждом городе. Ты должен передавать через них сведения, а связные сообщат наши инструкции, если что-то изменится. Каждый связной сообщит адрес следующей явки. Первый ждет тебя в Лизии. Он кое-что передаст тебе, из тех штук, что усилят экипировку.

Драго поклонился. Пауза указывала на то, что

ему сказали все. Он попятился, у самой двери его остановил голос Старха:

— Драго! Если справишься с этим, станешь первым кандидатом в Совет Ордена.

Глаза Драго округлились, он склонил голову. И вышел, пожелав отцам здоровья, обещая, что готов отдать жизнь и во имя Ордена приведет мальчика.

Когда дверь за ним закрылась, четверо старцев сидели молча, чего-то ожидая. В залу зашел гигантский мужчина с уродливым лицом, усеянным причудливой формы бородавками. Прежде чем заговорить, они долго смотрели друг на друга.

5. ПЕРВЫЙ ГОРОД

1

Утро зарождалось, вокруг было равновесие между светом и тьмой, короткое, как жизнь падающей звезды, и Дини удивился, увидев впереди на дороге трех человек.

Как часто бывало за последние недели, мальчик покинул очередной дом на заре. В этой деревеньке он задержался на три дня. Дини не был голоден — в предыдущем селении ему наполнили сумку медовыми лепешками, он свернул сюда,

следуя интуиции, которой привык доверять.

Он обнаружил больного в третьем доме. Молодой мужчина с очень сложным переломом. У него была раздроблена кость. Дини сидел над ним около часа. Затем, после долгого сна, он снова приложил руки к ноге мужчины. Когда все закончилось, миновало два дня. Дини собирался уходить, но к хозяевам пришла женщина с мольбой о помощи. Она прослышала, что у них в деревне мальчик, который лечит людей. Ее дочь сильно простыла, и женщина уверена, что у нее воспаление легких.

Дини согласился помочь.

Он пошел с женщиной, спрашивая себя, почувствовал бы он болезнь ее дочери или спокойно покинул бы деревеньку? Почему-то второй вариант показался ему реальнее.

Девочка была в тяжелом состоянии. Жизнь покидала ее, и Дини почувствовал: еще день, и он бы опоздал. Пятилетний ребенок сгорал, источая жар огня. Дини приложил к ее тельцу обе руки и не отпускал их, даже когда его атаковала сильная сонливость. Чуть позже он не выдержал и, провалившись в сон, сполз на пол, к этому моменту жизнь девочки была вне опасности.

Просыпаясь в течение дня, Дини видел, как женщина хлопочет над ним. Понимая, что доброта хозяйки задержит его еще больше, мальчик решил

уйти на исходе ночи.

Покинув дом, Дини оглянулся в поисках уродливого крылатого попутчика. Летучая мышь по-прежнему сопровождала его, ожидая, если мальчик ночевал у людей. Сейчас тревога, смутно терзавшая его в первые дни пути, притупилась. Дини привык к тому, что его сопровождает пусть и уродливое, но все-таки живое существо. Иногда, если приходилось ночевать в лесу, а ночь была слишком темна и полна непонятных глухих звуков, Дини ощущал странное успокоение, созерцая черный расплывчатый комок, свисающий с ветки ближайшего дерева или куста. Теперь он не сразу засыпал, если летучая мышь исчезала, чтобы раздобыть пищу. Гораздо спокойнее было спать рядом с кем-то, пусть даже этим кем-то был вовсе не человек. Утром мальчик завтракал, умывался, если поблизости оказывался ручей, и уходил, с каждым разом все менее уверенный в том, хочет ли он, чтобы летучая мышь больше не нашла его.

Этим утром ничего не изменилось. На ближайшем к дому тополе его дожидалось висящее вниз головой создание, завернутое в складчатую шаль собственных крыльев. Дини задержал взгляд на своем попутчике, просто так, не пытаясь убедиться, что тварь спит и не видит его, и двинулся к выходу из деревни.

Он еще видел последние дома, когда впереди

померещились какие-то тени. Присмотревшись, Дини разглядел нескольких человек. Трое мужчин. Они стояли у поворота, тихо переговариваясь. Рядом находилась лошадь, запряженная в телегу. Местные крестьяне, с какой-то целью собравшиеся в соседний город. Кто-то из них был зажиточным, либо они сложились, чтобы на время арендовать лошадь. В предыдущих селениях Дини слышал о какой-то банде, промышляющей грабежом бродячих торговцев, и хотя мальчик не был уверен, что стоящие впереди — крестьяне, он не сворачивал. У него нечего забирать.

Один из мужчин отделился от приятелей, взял лошадь под уздцы, пошел навстречу мальчику. Прежде чем Дини заметил, что в движениях мужчины есть что-то вороватое, они поравнялись друг с другом. Мужчина остановился, глядя на него. На всякий случай Дини поздоровался.

— Мальчик? Это ты вылечил Сая?

Дини вспомнил, что так звали мужчину с раздробленной костью. Мальчик хотел кивнуть, но необъяснимое предчувствие заставило его покачать головой. Он даже отступил на шаг в сторону.

— Это ты его вылечил, — мужчина не спрашивал, он утверждал.

Дини подумал, что врать нехорошо, и кивнул. Мужчина осклабился.

— Ты — молодчина. Хороший мальчик.

Дини не понравился этот голос. Казалось, незнакомец успокаивает его. Только зачем его успокаивать? Для чего? Дини хотел идти дальше, он не стремился выслушивать похвалу, мужчина протянул руку, загораживая дорогу.

— Пстой. Ты не мог бы... помочь мне? Помочь моей жене? Она... больна.

Дини растерялся. Он не мог отказывать в помощи, но что-то в поведении мужчины было фальшивым. Он вряд ли бы обманул даже ребенка младше Дини. Мужчина приблизился на шаг.

— Садись на телегу. Я подвезу тебя к своему дому.

Дини колебался. Краем глаза он заметил двух приятелей незнакомца, они подходили медленно, опасаясь испугнуть его.

— Садись, садись.

— Я спешу. Мне надо идти.

— Не бойся, это ненадолго. Ты только поможешь мне.

Мужчина сделал еще один шаг, его рука оказалась у мальчика на плече. Прикосновение, вороватое и жадное, заставило Дини отпрянуть. И мальчик рванул к лесу.

2

Крик, пронзивший тишину, разрушил

последние сомнения Дини.

— Держи его, олух!

Эти люди ждали его не для того, чтобы попросить помощи. Он был нужен им по другой причине. По какой именно, сейчас не было важно, достаточно того, что ими управляла корысть.

Дини двигался, как во сне — медленно, неповоротливо, воздух обтекал его вязкой жидкостью, но он уже достиг первых деревьев, прежде чем крестьянин бросился следом. Двое других среагировали быстрее, но они находились дальше. Дини бежал, оглушенный страхом, и все-таки уловил топот ног. Казалось, его преследуют человек десять. Мальчику мешала котомка, но он не осознал, что ее можно сбросить. Ничего ценного, кроме еды, в ней не было.

Мальчик бежал, не замечая, что забирает вправо, и в какой-то момент впереди возник один из преследователей. Притормозив, Дини едва не упал. Страх швырнул его влево. Он слышал, как мужчина издевательски захохотал, что-то крикнул вдогонку. Без сомнения, Дини выдохнется быстрее, чем любой из этих мужчин.

Сзади послышалось разгоряченное дыхание — крестьянин, что разговаривал с Дини, нагонял его. Он старался исправить свою оплошность. Дини споткнулся, повалился на землю. Мужчина навис над ним, и Дини не вскочил, просто отполз.

Мужчина не спешил хватать его, он тоже запыхался, согнулся, упер руки в колени.

— Что же ты убегаешь, глупышка? Все равно не убежишь.

Дини замер. Слова крестьянина лишили его остатка воли. Двое других преследователей, приближаясь, перешли на шаг.

Летучая мышь, выпорхнувшая из кроны ближайшего дерева, задела голову крестьянина своими крыльями. Он выпрямился и отпрянул. Дини показалось, что крестьянин глухо всхлипнул. Летучая мышь спикировала к его лицу, и он замахал руками.

Летучая мышь исчезла также неожиданно, как появилась, и крестьянин огляделся, когда подошли его приятели. Дини поднимался, готовый бежать, и один из подошедших заговорил:

— Хватай его, чего стоишь?

— Здесь летает какая-то нечисть. Она напала на меня.

Крестьянин, требовавший схватить мальчика, посмотрел на приятеля и не стал насмехаться.

— Что такое? — спросил третий.

Летучая мышь вынырнула из слабеющего полумрака, словно отвечая на его вопрос. Крылья зацепили шевелюру крестьянина. Он шарахнулся, вскрикнув, вместе с ним отпрянул и тот, кто увидел существо первым. Их приятель оказался менее

впечатлительным. Заметив, что Дини поднялся, он выкрикнул:

— Это же летучая мышь! Успокойтесь, вы, бабы!

Его приятели остановились, но на мальчика не набросились — они искали взглядом тварь. Их предводитель ругнулся, проклиная уродливое существо, шагнул к мальчику.

Дини сжался, его охватило оцепенение. Летучая мышь спикировала на крестьянина и вцепилась ему в затылок. И самый мужественный из троих зашелся криком. Он шарахнулся, сбив с ног одного из приятелей, споткнулся, повалился на землю. Когда он ударил себя по затылку, летучая мышь уже отцепилась от него. Он увидел свои пальцы, кровь на них, снова закричал.

Никто из них не видел, как мальчик побежал прочь. Они думали только о себе. Летучая мышь пронзала светлеющий воздух, больше не нападая ни на кого из крестьян, но этого оказалось достаточно. Когда самый храбрый из них попятился, забыв про мальчишку, двое других опередили его и выскочили из леса.

Летучая мышь, покружившись, полетела за мальчиком. Отыскав его, сидящего на земле, тяжело дышавшего, но невредимого, существо повисло на ветке клена, завернулось в крылья и замерло в своей излюбленной позе.

Спустя три часа Дини вышел из леса и впереди, на широкой равнине, увидел Лизию — первый город в своей жизни.

Все это время, прежде чем покинуть лес, он шел, глядя себе под ноги, погруженный в собственные мысли. Мальчик думал о людях, по неясной причине пытавшихся забрать его с собой, и о том, что сделала летучая мышь, когда крестьяне догнали его.

Найти объяснение жизненно необходимо.

Крестьянами управляла корысть. Вряд ли в их семьях кто-то болен. Они просто пытались схватить его, как разбойники хватают дорогой товар, чтобы выгодно сбыть. Неужели его дар и был тем самым товаром, который можно продать?

Дини стало нехорошо. Если бы его схватили, он не смог бы идти дальше, не одолел бы свою дорогу. Не увидел бы отца и мать. Как же ему быть? Найдутся и другие люди, что захотят воспользоваться им, как товаром. Он должен быть осторожен. Он будет по-прежнему лечить людей, это — его дорога, и в то же время он позаботится о себе. Отец говорил: если человек несет людям добро, это не значит, что он ни при каких обстоятельствах не должен причинить кому-то зло.

Если тебя загнали в угол, если угрожают твоим близким, ты не должен бездействовать из-за того, что не хочешь причинить зло этим людям.

Отец держал в доме меч, вещь запретную для крестьянина. Он не хотел бездействовать, если в его дом придет зло. Он упоминал ту старую книгу Мира до Великой Катастрофы, говорил что-то про подставленную под удар врага щеку, говорил, что многие люди Прошлого неправильно понимали это место в книге. И хотя меч не спас его семью, отец сделал все, что мог.

С алчных крестьян мысли Дини перескакивали на летучую мышь. Она осталась где-то позади, спавшая в своей обычной позе, но мальчик не сомневался — странное существо догонит его, как только приблизятся сумерки.

Она спасла его. Если бы не летучая мышь, крестьяне схватили бы его. Несколько раз Дини пытался убедить себя, что мышь всего лишь кружила над людьми, потревоженная их криками и возней, и вовсе не делала ничего, что помогло его бегству. Затем он вспоминал, как крылатая тварь вцепилась в голову одного из крестьян, и признавал, что это не так.

И все же мысль о том, что летучая мышь на его стороне, почему-то не успокаивала мальчика, вызывала смутное противление.

Дини перестал об этом думать, когда на

горизонте появился город. Воздух прогрелся, и картинка Лизии чуть подрагивала. С расстояния город казался беспорядочной, безжизненной грудой камней. На одной из стен развивался желтый флаг. Равнина вокруг города была усеяна пятнами пасущихся овец — то ли растянувшаяся на тысячи шагов отара, то ли несколько — понять это казалось невозможным.

Присмотревшись, Дини заметил тонкий прерывистый поток людей и повозок с юго-западной стороны города. Дини остановился, не зная, в какую сторону ему идти. Ноги еще не ныли, но лишние минуты отдыха не повредят. Он вспоминал, что родители рассказывали ему о городах. Город, говорили они, это как сразу двадцать-тридцать деревень. Если средний город. Есть и такие, хотя их немного, которые превышают и сотню деревень. Этого мальчик вообще не мог представить. Как люди там помещаются? Неужели им не тесно? Такое количество людей в одном месте казалось абсурдом. Почему они не разделятся на деревни? Зачем толкаться на каком-то клочке, если вокруг достаточно земли?

Это было выше его понимания, но сейчас ему нужно подумать о другом. Идти в город или обойти его лесом? В Лизии наверняка есть больные, раз они встречались почти в каждой деревне. Их там даже больше, чем он сможет вылечить. С другой

стороны повышался риск встретить людей, подобных крестьянам из последней деревни.

Сомнения заставили мальчика какое-то время сидеть возле дерева, и он незаметно для себя задремал. Когда проснулся, солнце уже пекло — день перевалил за середину. Сомнения не развеялись. И Дини решил представить себе, как бы поступил на его месте отец.

Не бойся трудностей, прошептал голос. Они — часть настоящей дороги. В городе есть люди, которым ты сможешь помочь. Их слишком много? Не переживай — помоги тем, кому сможешь, и не терзайся, что не охватил всех. Есть шанс встретить плохих людей? Конечно, оставив город в стороне, ты избежнешь встречи с ними, но тогда ты не сможешь никому, и, быть может, чья-то жизнь прервется. Выбери нуждающихся в тебе, и ты выберешь дорогу.

Дини поднялся. Поправил котомку за спиной и двинулся к городу.

4

Первое, что поразило Дини прежде, чем он увидел дома и улицы, было изобилие запахов.

Здесь не было свободы для ветра, и запахи застаивались, концентрировались. Не было запахов леса и сена. Их подминали десятки других.

Обоняние Дини уловило запах навоза, разогретых солнцем камней, из которых состояли стены, аромат только что приготовленных лепешек, исходивший откуда-то из глубины города. Запах скота и пестрый запах человеческой одежды. Были и другие, совершенно незнакомые. Большинство из них принадлежали к запахам снеди.

Дини вышел на дорогу в том месте, где вплотную подступали заросли кустарника. Его появление осталось незамеченным, и неудивительно — народа, бредущего в разных направлениях, было столько, что отдельно взятый человек просто не мог броситься в глаза. Чтобы постоянно держать кого-то в поле зрения, нужно постараться. Это обрадовало мальчика.

И еще на дороге были дети разного возраста.

Дини вошел в город. Плотно стоявшие дома — многие из них были окрашены в желтый цвет, плотный поток людей, в котором иногда приходилось увертываться, чтобы не угодить кому-нибудь под ноги, — все это поразило Дини. Крыши домов и стены были сделаны совсем из другого материала. Мальчик продвигался вперед медленно, часто останавливаясь, рот полураскрыт, глаза — расширены. Люди не обращали друг на друга внимания, их было слишком много, и в какой-то момент Дини вспомнил, что Лизия — не самый крупный город.

Людской поток вынес его к площади, и Дини наконец понял, что значит это слово. Обширное пространство было заставлено торговыми рядами. Здесь было еще больше людей. И запахов. Усилился шум. Теперь Дини постоянно касался кого-нибудь плечом, рукой или спиной. Запахи продуктов, готовых или приготавливаемых, знакомые и незнакомые, наполнили рот мальчика слюной, и он почувствовал чудовищный голод, хотя еще полчаса назад был сытым.

Дини отошел в сторонку, отыскал свободное место. Достал из сумки последнюю медовую лепешку, которую, как редкое лакомство, собирался сэкономить до последнего, и, урча, запустил в нее зубы. Ел и поглядывал по сторонам. На торговцев, расхваливающих товар, зазывающих покупателей, на сосредоточенные лица снующих горожан. Иногда в этом потоке встречались люди в богатой одежде, яркой, манящей, как блики в сером тумане. Некоторые из них передвигались верхом на лошадях, и прохожие расступались, чтобы конское копыто не раздавило ногу, и даже в этой суматохе засматривались на всадника, чаще всего державшегося надменно. Иногда Дини замечал крепких молодых мужчин в бордовой одежде с вышитыми на груди золотом орлами, с мечами и в шлемах. Он знал: это — воины Правителя. Изредка в толпе мелькали серые монашеские рясы. Воины в

желтых плащах принадлежали местному гарнизону.

Проглотив лепешку, Дини не утолил голод. Пришлось достать еще одну, теперь уже обычную — овсяную лепешку.

Поток людей иссякал, сворачивали свой товар некоторые торговцы. Приближался вечер, и площадь постепенно опустела. Дини стоял на том же месте, не зная, куда идти и что делать. В этом скоплении людей он чувствовал себя потерянным. Первое впечатление слабело, и в своем воображении Дини превратился в маленькую пушинку, подвластную ветру обстоятельств, в крохотное ничто, которое может растоптать, случайно или нет, чья-то нога. Неприятное ощущение, и Дини решил, что ни за что не будет жить в городе. Никогда. Он даже пожалел горожан, хотя никто из них не выглядел несчастным. Они привыкли?

Дини встряхнулся. Он здесь для того, чтобы пройти этот город, как часть пути, а не чтобы смотреть по сторонам и жалеть себя. Мальчик покинул площадь. Он не знал, в какой стороне находится выход из города, он просто шел, как всегда, полагаясь на интуицию. И попал в крохотную улочку — здесь дома еще меньше напоминали деревенские, хотя и выглядели небогато. Пахло пищевыми отходами. Прохожих не было. Дини показалось, что он заплутал. Нужно

выбираться.

Когда впереди показалась широкая улица, мальчика что-то остановило. Дини почувствовал то, что иногда задерживало его в деревнях у какого-нибудь дома. Сейчас все было по-другому. Раньше он видел перед собой определенный дом, теперь, в этой узенькой улочке, куда солнце заглядывало лишь в самый полдень, вокруг находилось сразу два длинных высоких дома, и даже мальчику, впервые оказавшемуся в городе, стало ясно: здесь живут несколько семей.

Дини растерянно рассматривал эти дома, понимая: он не уйдет отсюда, пока не убедится, что никому не нужна его помощь. Время шло, узкую улочку заполняли осмелевшие сумерки. В отличие от деревенских вечеров здесь было жутковато. Мальчик не выдержал и шагнул к ближайшей двери, постучал, отступил на шаг.

Дверь долго не открывали, и, когда Дини собирался подойти к противоположному дому, она отворилась. Женщина, выглянувшая из дома, выглядела обрюзгшей и вульгарной. Завитые короткие волосы превращали не по-женски крупную голову в громадный рыжий шар. Увидев мальчика, она приоткрыла дверь шире и окинула его недовольным взглядом.

Дини попятился.

— Тебе чего? — голос низкий, грубый, под

стать ее телу. — Я уже подавала сегодня, хватит.

Она закрывала дверь, когда Дини заговорил:

— Тетя, извините, здесь есть кто-то больной?

— Что? — она смотрела на него, как на ненормального.

— Есть у вас больные? Я бы мог... им помочь.

— Нет у меня никого. Иди отсюда, — она захлопнула дверь.

Дини потоптался на месте, думая, не ошибся ли он домом. Чтобы не побеспокоить еще кого-нибудь вроде этой грубоватой тетки, мальчик решил снова обратиться к ней. Он надеялся, что хуже не будет.

Дини постучал.

Дверь отворилась сразу же, как будто женщина стояла с обратной стороны и не отходила вглубь дома.

— Тетя, не ругайте меня, пожалуйста. Кто-то из ваших соседей заболел. Не подскажите, где?

Женщина посмотрела на него, Дини решил, что она нагрубит или просто закроет дверь, но она ответила:

— Если только там, — она ткнула пальцем в дом напротив.

Дини оглянулся и пробормотал слова благодарности, но он уже обращался к закрытой двери.

Он шагнул на другую сторону улочки. На его

стук открыл парень лет двадцати, и по его лицу Дини понял — здесь. Болезнь находилась здесь, у кого-то из родных этого парня.

5

Дини приоткрыл глаза. Было поздно — солнце стояло высоко. Дини лежал на кровати, укрытый плащом. Пахло табаком и овчиной. Было тихо. Наверное, хозяева еще спали — они легли намного позже Дини, сидевшего над их сыном до полуночи.

Тело мальчика покрывали волдыри, в любой момент готовые лопнуть, истекая гноем и кровью. Дини приходилось держать руки над каждым волдырем в отдельности, и лечение затянулось. Под конец, совсем обессиленный, он, как обычно, провалился в сон, даже не отойдя от больного.

Дини приподнял голову и тут же опустил ее. Она казалась распухшей и тяжелой. Несмотря на сон, Дини был по-прежнему очень уставшим. Он находился в Лизии уже пять дней и вылечил за это время семь человек. Постепенно мальчик пересекал город, перебираясь из одного дома в другой, в направлении северо-восточных ворот. Если бы мальчик просто пошел к ним, ему бы не понадобилось и часа, но его дар задерживал его то в одном, то в другом месте. После пятого дома ему даже не понадобилась интуиция — хозяева

спросили, не поможет ли он их родственникам на одной из соседних улиц. У женщины сильные боли в животе, и даже знахарь, которого вызывали три дня назад, не облегчил ее состояние.

В следующий дом — где мальчик находился сейчас — его тоже привели люди. Кроме хозяев, здесь были еще несколько человек. Соседи? В городе о Дини пошел слух, и некоторые, если даже не нуждались в услугах странного мальчика, хотели просто поглазеть на него.

Когда Дини только рассматривал больного, он даже не взглянул на стоявших в комнате мужчин. Позже, в процессе лечения, один из них привлек его внимание. Что-то в нем Дини не понравилось. Хотя мальчик сосредоточился на язвах сына хозяев, он несколько раз глянул на этого мужчину, с первого взгляда никак не выделявшегося среди остальных. Дини изредка менял позицию перед кроватью, что и позволило видеть всю комнату. Мужчина рассматривал Дини с каким-то странным выражением лица. И он вышел из дома, так и не дождавшись, когда мальчик закончит лечение.

Проснувшись и вспоминая происходившее, Дини догадался, что во время лечения у него обострялось чутье. Он и раньше чувствовал исходящие от людей эмоции, но не особенно обращал на это внимание. Раньше было просто — родственники больного источали горе и страх.

Раньше никого из посторонних не было. Вчера впервые пришли те, кто не переживал за больного.

Дини встал с кровати. Он был один в комнате. Единственное окно выходило во внутренний дворик. Дини прошел в другую комнату, переднюю, где вчера лечил мальчика. Сейчас здесь никого не было. Дини выглянул в окно. Улица находилась близко к северо-восточным воротам Лизии, и по ней перемещались пока еще немногочисленные прохожие. Несмотря на мягкий успокаивающий свет, Дини почувствовал тревогу. Ее источник был размытым, ирреальным, но он все-таки был.

Дини вспомнил лицо вчерашнего мужчины, пристально изучавшего его, но уверенности, что дело в нем, не было. Дини почувствовал, что хотя бы на день должен отказаться от лечения людей. Ему нужно покинуть город. В противном случае, разрываясь между потребностью в отдыхе и желанием кому-то помочь, он рискует повредить рассудок. Он задержался в Лизии, и его по-прежнему ждала дорога.

Городские ворота запирались с заката до рассвета — ночь для ухода исключалась. Ранним вечером, когда с площади потянутся сотни людей, Дини пристроится к ним. Он решил, что вывернет наизнанку плащ, изменив его цвет, и накинёт капюшон.

Оставалось одно — покинуть этот дом со

двора. Для этого вполне подходила комната, где он провел ночь. Дини почувствовал, как тревога отпустила.

Нужно только дождаться вечера.

6. НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

1

Правитель стоял у окна, глядя на восходящее солнце, и Флек, зайдя в комнату, выжидающе замер.

Флек являлся не только правой рукой Правителя, но и главным советником, генератором его энергии. Он был проводником между Правителем и его поданными. И еще Флек был троюродным братом Правителя, хотя добился своего положения не из-за родственной связи.

В мире, где каждый пятый мог оказаться твоим родственником, это не играло никакой роли. У Правителя имелись родственники и поближе Флека, но это не дало им никаких особенных преимуществ. Чего только стоил пример родного младшего брата Правителя — он был заключен в Клунс, самую строго охраняемую тюрьму Всех Заселенных Земель. Заключен сразу, стоило ему лишь выразить сомнения относительно абсолютной

власти Правителя, и то, что они оба пришли в этот мир благодаря одной женщине, ничего не изменило.

Флек знал это, и тем значительнее было его собственное достижение. Он был единственным человеком, кто позволял себе давать советы самому Правителю, этому современному Мессии, пожелавшему вытянуть человечество из бездны, в которую оно уже начинало соскальзывать. Флек был единственным, перед кем Правитель изредка проявлял нечто, что можно было характеризовать, как слабость, перед кем Правитель представлял обычным человеком.

Флек молча ждал, и Правитель наконец повернулся. Флек склонил голову. На него смотрел худощавый темноволосый мужчина в белой одежде, с приятными чертами лица, с бледной кожей, с холеными пальцами рук и безупречными ногтями. В его движениях была гибкость и грация барса, быстрого, безмолвно свирепого и в то же время дотошного в отношении чистоты собственной ослепительной шерсти. И еще у Правителя были пронзительно голубые, почти белесые глаза.

Однажды Флек слышал историю одной повивальной бабки, служившей еще при отце Правителя и утверждавшей, что сам Правитель не был рожден, как все люди. Он появился в спальне

своей матери, на которую вообще не был похож, неизвестно каким способом. Женщина, бывшая до этого беременной, уже осталась без «живота», но не было никаких признаков родов.

И сама женщина утверждала, что никого не рожала.

От безумия, вызванного отсутствием внутри плода, ее спасло сопение и плач маленького Правителя. Спустя несколько месяцев у женщины помутился рассудок, и ребенка выкармливали няньки.

Флек слышал эту историю в ранней юности, когда их пути с Правителем еще не пересеклись, и когда он еще не задавался кое-какими вопросами. Позже все нити похоронило вездесущее время. Повивальная бабка исчезла, ее след потерялся.

Выдержав паузу, Флек поднял голову, расправил плечи. Он сам чем-то напоминал Правителя. Тот же рост, та же комплекция и гибкость. Почти одинаковый цвет волос. Только кожа смуглая и черные глаза.

Правитель спросил:

— Гонец прибыл?

Флек склонил голову.

— Да, Правитель. Слухи подтвердились — мальчик действительно существует. И он лечит болезни.

С минуту Правитель вышагивал вдоль окна. В

его движениях не было нетерпения, лишь неудержимая энергия, не позволявшая долго оставаться неподвижным. Он остановился, коротко глянул на Флека. Тот не стал дожидаться нового вопроса.

— Недавно он был в Лизии. Может, и двух дней не прошло. Это — проверенный факт.

Правитель коснулся подбородка своими тонкими женственными пальцами.

— Куда он направился?

— Неизвестно, Правитель, — Флек поморщился. — Для этого нужны направленные поиски, желательно определенной группой. Конечно, немногочисленной.

Он замолчал, ожидая вопросов или приказаний. Минуту Правитель перемещался вдоль окна, затем, не замедляя движений и не глядя на Флека, сказал:

— Надеюсь, ты понимаешь, как важно найти мальчишку. Найти как можно быстрее.

— Да, Правитель.

— Кроме того, что он нам нужен, мальчик может стать источником опасности, сам того не желая.

Флек кивнул. Он понимал, какие могут возникнуть конфликты в отдельных городах, когда местные власти осознают, кто находится в их вотчине. Не считая малонаселенных районов, где

хозяйничают банды.

— Мальчишка может погибнуть от руки неизвестного негодяя. Или бесследно исчезнуть, что также чревато нехорошими последствиями. Твои предложения?

Флек выдержал паузу и заговорил.

Спустя несколько минут, когда он закончил, Правитель сказал:

— Хорошо, Флек. Действуй. Надо предупредить комендантов всех крупных городов о том, что они обязаны задержать мальчика и охранять его до прибытия твоих людей.

Флек склонил голову и быстро вышел.

2

Гурин колотил мечом с тупым лезвием по специальному манекену, и этот вымышленный враг кряхтел под градом быстрых, чудовищной силы ударов, покрываясь трещинами и опасно кренясь. Гурин был обнажен по пояс, его потный торс сверкал под лучами солнца.

Во внутреннем дворике громоздкого, угрюмого здания, где располагались казармы личной гвардии Правителя, вместе с Гурином тренировались с десятков человек, но они больше косились на крупного широкоплечего мужчину, казавшегося обезумевшим и не видевшим ничего

вокруг, кроме манекена-противника.

Гурин остановился, как только замерли все остальные. Сделав пару вдохов, восстанавливающих дыхание, и медленно повернувшись, он понял причину общего оцепенения. На тренировочную арену, скрытую от посторонних глаз каменной стеной, зашел Флек — правая рука самого Правителя, можно сказать, его тень. Воины склонили головы, и Гурин, позволив себе еще один восстанавливающий вдох, сделал то же самое. Несмотря на опущенную голову, он заметил, как Флек легким кивком поманил его.

Гурин двинулся в его сторону. На ходу он совершил сразу несколько действий: воткнул в землю меч, зачерпнул ковшом воду из бочки, стоявшую рядом, выплеснул воду на себя, смывая пот, подхватил полотенце, растерся и накинул верхнюю одежду. Полотенце, влажное и потемневшее, он бросил на землю. Все это никак не замедлило его движений. Он нагнал Флека, прежде чем тот вошел внутрь башни, где двое охранников контролировали вход во внутренний двор казармы.

Флек совершил малозаметное движение рукой, и охранники вышли, оставив Флека наедине с Гурином.

— Неплохо работаешь, — Флек повернулся к собеседнику. — Как всегда.

Гурин пожал плечами. Годы, когда похвала

что-то для него значила, давно миновали, унеся вместе с юностью не только самомнение. Флек никогда не говорил лишних слов, сегодня он тоже быстро перешел к делу.

— Ты нужен Правителю. Ты и еще... скажем, трое из твоих воинов. Лучших воинов.

Гурин склонил голову. Флек сделал паузу, Гурин терпеливо ждал.

— Вам нужно найти одного человека. Мальчика лет семи-десяти. И доставить к Правителю. Живым и здоровым. Начнете с Лизии — там вы сможете взять след. Будьте внимательны и не лезьте напролом. Возможно, мальчика захотят найти другие люди, и у вас окажется полно противников. Пока никаких сведений нет, но я уверен: эти псы талхи наверняка уже знают про мальчика. Старая бестия Старх не сможет сидеть, сложа руки, это и обсуждать не надо. Но и без них отыщется достаточно желающих погреть руки на способностях ребенка.

Гурин, стоявший в полумраке башни изваянием, шевельнулся.

— Что за мальчик?

— Он лечит людей. Пока неизвестно ни об одном случае, когда он не смог помочь, какой бы ни была болезнь. Мальчик должен попасть к Правителю и только к нему.

Гурин кивнул. Спустя несколько минут,

выслушав последние инструкции от Флека, Гурин позвал одного из охранников.

— Найди Булоха. Пусть придет ко мне в комнаты вместе с двумя напарниками — Камнем и Шрамом.

3

Драго постучал в дверь нужного дома, отступил на шаг, положив руку на рукоять меча, скрытого плащом и рясой, пришитой к изнанке верхней одежды.

Вечерело, видимость ухудшалась. Для того, что он должен был сделать, наступило самое подходящее время.

Драго показалось, что занавеска за окном шевельнулась. Прошла минута, и дверь отворили. На пороге показался старик, невысокий, показавшийся неповоротливым, но Драго не обманулся — человек, стоявший перед ним, не был немощен.

— Прости, добрый человек, — сказал старик. — Не могу ничего подать. Что было, отдал. Детишкам малым, старикам. Нынче много страждущих.

Старик замолчал, Драго выдержал паузу и тихо сказал:

— Тогда утешь меня словом, отец. Словом и

Знанием.

Старик покосился по сторонам.

— Заходи.

Старик усадил Драго в передней комнате, предложил большую кружку кислого молока. Драго поблагодарил хозяина кивком, отпил половину.

— Что мне должны здесь передать?

Теперь, в доме, лицо связного показалось Драго смутно знакомым. Наверное, они встречались раньше в монастыре.

Старик помедлил и ответил вопросом на вопрос:

— Что ты узнал в городе?

Драго снова глотнул из кружки, сосредоточившись на прошедшем дне. Расслабленность в уставших ногах мешала этому. Старик воспринял молчание гостя, как колебание.

— Завтра утром я отправлюсь гонцом к Старху. Я должен буду передать Совету талхов то, что уже известно тебе.

Драго кивнул, давая понять, что знает это. Сведения были скудными. Возможно, позже, когда он нагонит мальчика, он сможет передать связному Ордена что-то более определенное.

— Говори, — сказал старик.

— Мальчик был здесь несколько дней. Когда ушел, точно сказать нельзя. Я не смог проследить его перемещение по Лизии. Предполагаю, что он

ушел три или четыре дня назад. В крайнем случае, пять дней назад. Скорее всего, он двигался к северо-восточным воротам. Если так, он, наверное, продолжит путь в восточном направлении. Но это не точно.

— Хорошо, — старик подошел к окну, потоптался там, вернулся к Драго. — Значит, Вальцирия?

Драго представил близлежащий город на востоке. Сколько туда идти мальчику, который лечит больных, встреченных в пути? Сложно сказать. Если бы Драго шел туда без задержек, он преодолел бы расстояние чуть больше, чем за два дня. Нельзя быть уверенным, что мальчик потратит на дорогу значительно больше времени. Никто — ни Драго, ни Старх или его приближенные — пока не знал, чем руководствуется мальчик, и останавливается ли он во всех деревнях без исключения.

Драго медленно покачал головой.

— Между Лизией и Вальцирией две деревни. К северу и югу расположено еще по два небольших селения. Кто знает, не отклонится ли мальчик, чтобы затем двинуться в восточном направлении? Или пойти дальше? Я не уверен, что следующий город, куда мне придется войти, именно Вальцирия.

Старик выудил карту, распахнул ее небольшой салфеткой и, наморщив лоб, погрузил в

нее взгляд. Спустя минуту он глянул на Драго, медленно допивавшего молоко.

— В трех днях пути к северо-востоку есть город Анохра. К югу расположен более крупный Брезель. Вряд ли Старх успел отправить во все эти точки нужных людей под видом курьеров Ордена, которые уже ждут тебя. Но у меня есть адрес в Вальцирии. Значит... тебе придется сделать крюк, если мальчик резко изменил направление, и ты не обнаружишь его свежий след. Ни в одном из этих городов нет представительств Ордена, но Совет не должен оставаться в неведении.

Драго устало кивнул. Оставалось надеяться, что мальчик пошел к Вальцирии. Если же нет, Драго потратит некоторое время, чтобы прибыть в Вальцирию к связному и сообщить новые данные.

Старик остался доволен.

— Теперь о том, что я должен тебе передать, — он держал в руке стеклянную колбу, наполовину заполненную тусклой желтой жидкостью. — Не беспокойся, для этой сыворотки у меня есть специальная кожаная фляжка, маленькая и удобная, ты ничего не разобьешь.

— Что это?

Старик улыбнулся, и улыбка почему-то неприятно изменила его лицо.

— Если дать кому-нибудь этого питья, человек расскажет все. Все, что тебя интересует.

Расскажет только правду. При этом он будет выглядеть вполне нормальным, посторонние ничего не заподозрят.

Драго слышал о том, что есть нечто подобное. Напиток правды, называл его Лон. Признаться, Драго не верил, что напиток существует. Старик перелил половину содержимого колбы в неприметную маленькую фляжку и величественным жестом, как отдают что-то по-настоящему дорогое, вручил ее Драго.

— Может статься, у тебя не будет уверенности, что перед тобой нужный Ордену мальчик. Используешь напиток. Эта штучка не должна попасть в руки тех, кто не принадлежит к Ордену, тем более к людям Правителя. Официально этой жидкости не существует.

Драго кивнул.

— Разобьешь ее или просто выльешь содержимое, если тебя, не приведи Небо, прижмут к стенке, — старик улыбнулся. — Но этого, уверен, не произойдет. Старх и Совет Ордена знают, кого посылать.

Драго кивнул, отдавая дань лестной характеристике в свой адрес.

Старик принял прежний хмуро-настороженный вид.

— Проведешь ночь здесь или пойдешь дальше прямо сейчас?

Драго массировал колени.

— Выберу золотую середину. С одной стороны быстрый переход из монастыря утомил меня, и кто знает, когда доведется нормально поспать. С другой стороны... Надо скорее нагнать мальчика. Чувствую, если не сделать этого в самом начале, дальше все осложнится. Разбуди меня через три с половиной часа.

4

Драго рассматривал женщину несколько минут, прежде чем подойти. Она возилась с мальчиком лет пяти-шести: отряхнула с него грязь, занялась ссадиной на его лбу.

Это происходило на окраине деревни. Второй деревни после Лизии и ближней к Вальцирии.

Драго чувствовал легкое беспокойство. Уже во второй деревне не находилось никаких следов мальчика. Драго все еще рассчитывал обнаружить зацепку. В предыдущем селении он заходил в четыре дома, немало, если учесть, что столько же было в Лизии, городе, не деревне. И его расспросы лишь подпитывали слухи о необычном ребенке, что не было на руку ни ему, ни Ордену в целом. Но ничего другого не оставалось. Он передвигался, как обычный паломник или, если быть более точным, бродяга, идущий в неизвестность в поисках лучшей

доли, и ему ничего не оставалось, как расспрашивать простых людей.

В этой деревне он заходил в пять домов, и ему очень не хотелось делать это в шестой раз. Деревенька небольшая, всего домов сорок, он рисковал породить у ее жителей иллюзию, что мальчик проходил здесь и даже кого-нибудь вылечил. И все-таки он должен убедиться, что мальчика здесь не было.

Встретив женщину в простом крестьянском платье, Драго решил поговорить с ней. Разговор на улице запомнится ей меньше, чем если бы Драго зашел к ней в дом.

Драго подошел, поздоровался. Мальчик смотрел на него с интересом, хотя и настороженно. Женщина выглядела спокойной. Причина была не только в светлом времени суток и отсутствии у путника оружия. Драго использовал личину обеспокоенного отца, искавшего сына, мальчика с чудесным даром. Мальчика, который думал, что отец погиб, поэтому шедшего в никуда.

Женщина, взяв сына на руки, покачала головой.

— Нет, я бы услышала. У нас здесь есть один ребенок, он был при смерти и все еще плох.

— Жаль, — Драго покачал головой, думая теперь, как поскорее уйти.

— Правда, через нашу деревню проходит

много детей. Может, он проходил здесь, но не останавливался?

Драго улыбнулся.

— Может, и так.

Женщина попыталась сказать что-то еще, но монах попрощался и пошел прочь.

Ситуация, сложная после Лизии, ухудшилась. Драго терял и без того слабый след. Перед ним возникла дилемма: идти в Вальцирию или после этой деревни свернуть в сторону. Куда же пошел мальчик, если его следов в восточном направлении не было?

Драго колебался, какое направление избрать, когда сзади раздался скрип подводы. Драго покинул деревню, и ему надо решаться: вправо уходила дорога, ведущая к югу, к Брезелю. Еще через две сотни метров был поворот налево — к Анохре.

Драго остановился. Подвода приближалась. Черная лошадь тянула телегу, где восседали двое зажиточных крестьян. Они настороженно рассматривали путника, чувствуя, что он их ожидает. Путник выглядел безоружным, и все же под его длинным широким плащом можно было кое-что спрятать.

Драго склонил голову в приветствии.

— Не подбросите меня, добрые люди?

Крестьяне покосились друг на друга. Один из

них, державший поводья, сказал:

— Мы спешим. Неотложные дела. Заказ коменданта Анохры.

— На благо Правителя, — сказал второй.

Что ж, подумал Драго, совершенно равнодушный к спесивой самоуверенности крестьян, не желавших взять его, и к мечу на телеге рядом со вторым крестьянином. Значит, Анохра. Пусть будет так. Он начнет с Анохры, затем направится к Вальцирии, и, если там ничего не обнаружится, он предупредит связного и двинется к Брезелю. Мальчик все равно идет медленней, где-нибудь его следы обнаружатся.

Драго улыбнулся:

— Какая удача! И мне туда же. Тоже попросили городские власти.

Чтобы крестьяне снова не отказались от попутчика и заодно, чтобы отбить у них охоту рассказать что-то коменданту Анохры, Драго извлек из кармана золотой и поднял руку повыше.

— Плачу монету. Считай, вас благодарит в моем лице сам Правитель.

Крестьяне уставились на блестящую вещь у путника в руке. Драго, ничего больше не спрашивая, запрыгнул на телегу.

Гурин, мчавшийся позади всех, размышлял о том, что передал ему комендант Лизии. И еще, как действовали трое гвардейцев, которых он выбрал.

Они были сильными и опытными воинами, готовыми выполнить любой приказ, самый абсурдный. Казалось, они вообще никогда ни о чем не задумывались. Даже Булох — командир их тройки.

Булох был крупнее Гурина. Шрам и Камень тоже были крупнее Гурина. Их теперешний предводитель, сам достаточно мощный мужчина, уступал им по габаритам, и лишь природная гибкость и реакция делали его сильнее в поединке с каждым из них в отдельности. И, конечно, Гурин оказался бы бессилён против двоих из них.

Это не касалось силы ума: здесь Гурин дал бы фору всем троим. Из них ближе к Гурину был Булох. Светлый, с бледно-голубыми глазами, он источал свирепую наглость и обладал хоть какими-то задатками руководителя. Ничего подобного не было у Камня и Шрама. Выросшие в бедных крестьянских семьях, оба в ранней юности за долги родителей попали в кабалу к крупным городским ремесленникам и уже оттуда перебрались в личную гвардию Правителя.

Камень, пучеглазый, неопрятный, заросший черной щетиной, получил свое имя из-за формы головы. Крупная, деформированная и угловатая,

она действительно напоминала булыжник, валявшийся на вершине горы, где неугомонные ветры за десятилетия оставили в нем впадины для глаз и выделили уродливую челюсть. Шрам был обладателем давней жутковатой раны в виде трех полос на левой щеке, бледно-розоватых, с расстояния порождавших иллюзию обожженной кожи. Хирургически одинаковые полосы скорее являлись следами пытки, нежели какого-то поединка, Шрам никому не говорил правды. Оба, и Камень, и Шрам, брили головы, уродуя себя окончательно.

Казалось, им нужно было лишь хорошо поесть и хорошо поспать. И рвение, с которым они выполняли задание, объяснялось тем же — после окончания они выспятся лучше обычного и, возможно, устроят продолжительный пир.

Гурин рассматривал их спины и начинал понимать, что не все так просто, и задание отнюдь не выглядит прогулкой, как ему показалось сначала.

Казалось, какая проблема — найти мальчишку? Дар ребенка не произвел на Гурина особого впечатления. Что с того, что он лечит разные болезни? Сам Гурин ничем не болел, если не считать мучившего ступни ног грибка, и это для него было пустым звуком. Болеют крестьяне — жалкие земляные червяки, копошащиеся на своих

крохотных участках. И еще горожане — те, что живут на узких темных улицах, где застаиваются запахи мочи и дешевых харчей. Для Гурина в мальчишке не было никакого чуда. Скорее всего, он действительно кого-то вылечил, но дальнейшее родилось благодаря слухам. Этот мальчик зачем-то понадобился Правителю, и не обязательно это являлось для него жизненно необходимым. Но найти мальчика было очень важным для Гурина. В случае неудачи последствия для него самого окажутся незавидными. И то, что он — сильнейший воин, ничего не меняло.

К сожалению, во время поисков в Лизии горожане пугались, отвечали невнятно, их приходилось переспрашивать, и присутствие Камня и Шрама лишь нагнетало обстановку. Была вероятность, что кто-то пошлет гвардейцев по неверному следу.

Гурин со своими людьми был бессилен против этого. Никто из них не знал мальчика в лицо, описание перепуганных горожан не вносило ясности. Хорошо, что комендант Лизии уверенно заявил, что слухи о мальчишке есть, и, значит, он действительно находился в городе и пошел дальше — на восток. Комендант добавил, что в близлежащие города отправлен гонец, и теперь гвардейцам будут оказывать содействие.

Гурин прищпорил коня, обходя своих людей.

Те расступились, давая дорогу, и тоже пришпорили коней, чтобы не отстать.

7. ОШИБКА

1

Мальчику было лет десять, не больше. Худой, уставший. Позади у него явно долгий путь. И плащ. Длинноватый для его роста. Про такой плащ говорили крестьяне.

Драго стоял, как человек, отдыхающий в тени дерева, и незаметно следил за мальчиком, выделив его из толпы с минуту назад. Мальчик двигался в потоке людей, что покидали Вальцирию. Он приближался к тому месту, где стоял монах, и должен был вот-вот поравняться с ним.

Не зная, тот ли это кого он ищет, Драго почувствовал удовлетворение: окажись он здесь немногим раньше, он вошел бы в город и уже вряд ли встретил бы этого ребенка.

Драго не спал две прошедшие ночи из-за того, что совершил оплошность. Он рискнул проверить сначала Анохру и в одной из двух деревень, что лежали на пути к Лизии, подтвердилось, что мальчик, лечащий людей, действительно проходил здесь. Драго возблагодарил Небо, пославшее ему

крестьян, направлявшихся в Анохру.

В Анохре следов мальчика не оказалось.

Драго ходил по городу, представляя в разных обличьях в зависимости от того, кому задавал вопросы, и все же признал, что мальчик здесь не появлялся. Наверное, после одной из деревень, которую недавно проезжал с крестьянами Драго, мальчик не пошел дальше на север. Это укрепило предположение, что мальчик идет, не имея четкого направления.

Пошел ли он в Вальцирию? Или направился дальше на юг, к Брезелю? Или, двинувшись опять на восток, мальчик вообще обойдет Вальцирию, город в четыре раза более крупный, чем Лизия? В любом случае и в Вальцирии с ее трущобами нелегко обнаружить его след.

Драго не мог миновать Вальцирию — там его ждал связной.

Поток от города был значительно реже. Мальчик не спешил, но расслабленности в нем не было — он чувствовал себя неуверенно, поглядывал на людей.

И каким-то образом почувствовал направленный на него взгляд.

Он поравнялся с монахом, и на мгновение их глаза встретились. Короткий затравленный взгляд. Страх и стремление спрятаться от чужого внимания.

Драго решился. Нельзя упускать этого мальчика, не убедившись, что это не тот, кого он ищет. Драго выждал пару минут и пошел за ним в сторону противоположную городу.

2

Пройдя мимо монаха, мальчик шаг не ускорил. Через минуту не выдержал — обернулся.

Драго шел за ним. Мальчик заметил это, и на этот раз пошел быстрее, обгоняя людей. Монах не отставал, но и не сокращал расстояние. Схватить мальчика при таком скоплении народа будет ошибкой. Поток на дороге постепенно редел.

Неожиданно мальчик свернул направо — в этом месте к дороге подходила неширокая колея. Наверное, путь к одной из деревень. Драго подумал, что это, скорее, на руку ему, нежели мальчику. Он ускорил шаг. Пропустив нескольких крестьян, Драго заметил, что впереди на сотню шагов никого нет. Мальчик понял, что совершил ошибку. Он остановился, глядя на преследователя, и Драго показалось, что ребенок больше не сдвинется, настолько выглядел испуганным. Мальчик развернулся и побежал. Он бросился к лесу. Драго оглянулся, убедился, что крестьяне за его спиной ничего не заметили, побежал за мальчиком. Догнать его было несложно. Драго

быстро сокращал расстояние. Мальчик оглядывался и подвывал. Монаху стало жалко ребенка.

— Пстой! Не бойся! Да пстой же!

Мальчик споткнулся, растянувшись меж двух тонких осин. Драго перешел на шаг, чтобы тот хоть немного успокоился. Пришла мысль, что, отдав Совету Ордена этого ребенка, Драго его убьет. Это не будет обычным убийством, оно оправдано необходимостью создать вакцину, но суть от этого не менялась: Драго будет виновен в смерти ребенка.

Монах остановился, не приближаясь к мальчику вплотную.

— Не бойся. Мне нужно узнать кое-что. Я тебя отпущу.

Мальчик вскочил и побежал. Драго улыбнулся, покачал головой — у него не было выбора, и он приведет мальчика Совету Ордена. Драго рванулся за ним, но тот воспользовался промедлением преследователя и успел выскочить из леса. Теперь колея не была пустой. Рядом оказались двое крестьян.

За ними верхом на лошади находился еще один мужчина. На боку у него висел меч.

3

Драго оценил положение.

Если бы не вооруженный всадник в голубом

плаще — служака коменданта Вальцирии, — было бы совсем просто. Крестьяне не претендовали на роль заступников. Когда мальчик выскочил перед ними, двое хлюпких старичков вздрогнули и, увидев Драго, попятились.

Мальчик, подвывая, прошмыгнул между ними и побежал навстречу всаднику. Драго перешел на шаг, понимая, что всадник вмешается. Крестьяне посторонились, и на их лицах появилось облегчение, когда Драго прошел мимо.

Мальчик сблизился с всадником, и тот, глядя на Драго, крикнул:

— В чем дело?

Голос требовательный и надменный. Всадник обладал определенной властью, а он, Драго, здесь никто. Всадник не столько озаботился судьбой незнакомого мальчишки, сколько желал наказать безоружного бродягу, раз уж есть за что. Мальчик обогнал его и остановился, то ли запыхался, то ли желал видеть, как расправятся с его преследователем.

Драго шел навстречу всаднику, решая, какое оружие использовать. Он знал, что справится с противником, но не собирался убивать его, и тем более — двоих крестьян. Если они расскажут кому-нибудь, что произошло, в действиях Драго не должно быть ничего от талха. Монашеский арбалет отпадает, хотя это самый легкий и быстрый способ

— взять всадника на прицел и приказать ехать своей дорогой. Тот ничего не сделает с одним мечом и подчинится.

Их разделяло с десяток шагов, когда Драго выхватил хлыст. Воистину гениальное приспособление, если хочешь оставить противника в живых, но при этом подавить его и обезоружить. Если, конечно, умеешь с ним обращаться. Всадник изменился в лице: бродяга оказался не безоружен, и это стало неожиданностью.

Драго размотал хлыст, улыбнулся. Как истинный воин-талх Драго стремился сначала выиграть поединок психологически. Всадник засуетился. Оказывается, за спиной у него был арбалет. Он пытался вложить меч в ножны, чтобы снять арбалет. С трудом ему это удалось, хотя он едва не выронил оружие.

— Не мешай мне, — сказал Драго. — С мальчиком ничего не случится.

Всадник не слышал его. Он стягивал арбалет, судорожными движениями выуживая стрелу из чехла. Крестьяне, наблюдавшие за происходящим, замерли. Мальчик округлившимися глазами рассматривал мужчину с хлыстом.

Драго позволил всаднику достать стрелу и лишь тогда взмахнул правой рукой. Хлыст змеей метнулся к противнику, кончиком обхватил арбалет и вырвал его из дрожащих рук. Это заняло секунду.

Всадник неверяще посмотрел на свои опустевшие руки, перевел взгляд на арбалет, лежащий в облачке дорожной пыли. И выхватил меч.

Драго медлил, как будто надеялся, что всадник образумится. Когда тот занес меч, Драго взмахнул хлыстом и снова обезоружил всадника. На всякий случай Драго хлестнул коня, тот понесся прочь, и всадник едва удержался в седле.

— Торопись по своим делам, славный воин!
Они важнее меня!

Всадник не спорил. Он не оглянулся, вцепившись в гриву обезумевшего коня. Крестьяне шарахнулись в сторону, поспешили следом за всадником.

Драго посмотрел на замершего мальчика, шагнул к нему. Ребенок снова побежал, но страх оказался сильнее — у беглеца подогнулись ноги, и он осел на землю.

— Не бойся, прошу тебя, — Драго улыбнулся.

Мальчишка лег на землю и заплакал. Драго наклонился, приложил ладонь к его спине.

— Ты лечишь людей? Не бойся, мне нужна твоя помощь.

Мальчишка глянул на него и напрягся. Драго нахмурился. Что-то было не так. Некоторое время он изучал ребенка, прислушиваясь к своей интуиции.

На дороге показались люди. Драго подхватил

мальчишку на руки и углубился в лес. Мальчик перестал всхлипывать и замер, как будто готовился к смерти. Драго опустил его на землю, на всякий случай взял его за лодыжку, чтобы тот больше не делал глупостей. Мальчишка испуганно смотрел на мужчину, что-то в этом взгляде не сочеталось с представлениями Драго о мальчике из Пророчества.

— Ты лечил людей в городе?

Мальчик вздрогнул, заплакал.

Драго потормошил его за плечо.

— Послушай, у меня больна жена. Помоги мне — вылечи ее. Ты можешь это?

Мальчишка плакать не перестал. Драго понял, что это не тот мальчик, но был крохотный шанс, что это не так. Он убегал от Драго — незнакомого мужчины, которого видел впервые. Почему? Драго нащупал под плащом маленькую фляжку. Вздохнул, глядя на мальчика. Не зря он получил зелье от связного в Лизии. Оно сэкономит ему время.

И убережет от ошибки.

4

Драго отвинтил крышечку, поднес фляжку к носу, понюхал. Пахло приторно сладким. Запах скорее неприятный. Монах протянул фляжку ребенку.

— Выпей, поможет. Успокоительное. Вкусно.
Глядя на фляжку, мальчишка покачал головой.

— Выпей!

Мальчика затрясло.

— Ты должен выпить!

Мальчик заплакал громче. Драго зажал его ноги своими коленями, обхватил голову, поднес ему к губам фляжку, надавил на щеку, вынудив раскрыть рот. Мальчик ударил Драго в грудь, тот даже не изменился в лице. Монах влил в рот ребенка напиток, сжал ему челюсти, чтобы тот не выплюнул, подержал, заставляя проглотить. Мальчик глухо замычал.

— Все будет хорошо. Успокойся.

Выждав, он отпустил мальчишку. Тот показался сонным, заторможенным — напиток подействовал. Драго не видел людей, глотнувших напиток «правды», но связной в Лизии рассказал ему все, что надо.

Мальчик остался сидеть, опершись спиной о ствол дерева. Он смотрел на монаха уже без страха и недоверия. Драго решил, что пора.

— Сын мой. Расскажешь мне то, о чем я попрошу?

Секунду-две мальчик молчал, его губы разжались:

— Да, — голос слабый, но внятный.

— Ты ведь не боишься меня?

— Нет.

— Хорошо. Ты лечил людей в большом городе?

Мальчик пробормотал:

— Нет.

Драго нахмурился, хотя и ждал такого ответа.

— Тогда... кто это был?

— Не знаю. — Ребенок по-прежнему смотрел перед собой.

— Почему ты убежал от меня?

— Я украл виноград и лепешки. Хозяин гнался за мной, но не догнал. Я боялся, что меня догонит кто-то другой. Я уже крал много раз и очень боюсь.

Все объяснялось. Остался лишь один вопрос.

— В городе ты что-нибудь слышал о мальчишке, который лечит людей?

Мальчишка покачал головой.

— Нет, не слышал.

Драго погладил его по голове.

— Посиди здесь немного и придешь в себя.

Вялый кивок.

Связной говорил, что напиток «правды» оставляет после себя затуманенную память — мальчик будет помнить о Драго смутно, урывками, пока не забудет полностью. Монах бросил на мальчика последний взгляд и пошел к дороге.

Спустя час он вошел в Вальцирию, где на стенах развевались голубые флаги.

5

Человек, открывший дверь, больше походил на талха, нежели связной в Лизии — зрелого возраста, еще крепкий мужчина, движения упругие, бритый череп, цепкий взгляд. На этот раз лицо было незнакомым.

— Ты голоден, брат мой? — заговорил связной. — Я накормлю тебя, но еда будет скромной.

— Лучше утешь меня Словом и Знанием, отец.

Связной посторонился и предложил:

— Проходи.

В доме пахло пряностями. Пока Драго массировал ступни, хозяин приготовил нехитрую снедь. Посыпал тарелку каким-то порошком.

— Это поможет тебе восстановиться.

Драго благодарно кивнул, принялся за еду. Талх не мешал ему. Лишь когда Драго отставил тарелку, связной вопросительно посмотрел на него.

— Кажется, ты задержался? Не ошибаюсь?

Драго подтвердил это и объяснил, почему свернул к Анохре. Поколебался и рассказал о мальчике, которого ошибочно преследовал. Талх

задумчиво смотрел на него. Наконец, он заговорил:

— Скорее всего, мальчишка проходил Вальцирию. Правда, уверенности в этом нет. Вальцирия — слишком большой город, его посещают люди с большей части Всех Заселенных Земель. И разговоры про мальчика, который лечит любые болезни, могли относиться к тому, что происходило в других местах.

Драго кивнул. Талх был проникательным.

— К сожалению, я не мог тебе помочь. Во-первых, я ждал тебя и не выходил из дому. Во-вторых, это противоречит инструкции Ордена.

— Знаю, отец.

— Я живу здесь давно, и меня многие знают в лицо. Я необходим Ордену для других дел, мне нельзя раскрываться. Проблема в том, что здесь сложно найти след, выборочно заходя в дома. Часто горожане не знают, что происходит в соседнем доме. Ты пройдешь рядом с домом, где вчера ночевал мальчик, и никогда не узнаешь, как близко от него находился.

Драго решил услышать совет связного и спросил:

— Как мне поступить? Отдохнуть и не задерживаться в городе, чтобы поскорее войти в ближайшую деревню? Или сейчас же идти к городским воротам и положиться на интуицию и удачу?

Талх оценивающе посмотрел на него.

— Решать тебе. Но прежде ты должен знать кое-что.

По голосу связного Драго понял, что новость не относится к хорошим.

— К поискам мальчика подключились люди Правителя.

— О Небо...

— Ходят слухи, что четверо всадников в одеждах личной гвардии Правителя что-то искали в Лизии. Если это действительно так, они очень скоро будут здесь, в Вальцирии. Думаю, на мальчика скоро начнется настоящая охота.

Талх замолчал, выжидающе посмотрел на гостя.

Драго какое-то время размышлял. Нужно было делать выбор.

Талх прервал паузу:

— Что ты решил? Мне надо передать твои слова Совету Ордена.

— Отдыхать мне точно не придется. Пока есть возможность, лучше попробовать найти след. Когда здесь появятся всадники, это будет намного сложнее.

Драго нехотя встал.

8. СЛЕД